

**И.Э. Магадеев\***

## **КОНТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ (1943–1949)**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений  
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»  
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76*

Изучение вопросов послевоенного урегулирования всегда привлекало внимание исследователей, но в современных условиях драматичной перестройки международных отношений оно приобретает особую актуальность. В этом контексте большой интерес представляет рассмотрение механизмов и логики генезиса Ялтинско-Потсдамского порядка. Цель данной статьи — восстановить эволюцию французских стратегических и дипломатических оценок по вопросу о ключевых параметрах системы безопасности в Европе по итогам Второй мировой войны. Обращение к кейсу Франции позволяет ярко раскрыть особенности болезненной адаптации страны к новым международным реалиям, связанным с потерей былого великодержавного статуса. Помимо привлечения редких архивных документов новизну исследованию придает попытка автора взглянуть на процесс трансформации французских внешнеполитических установок в период становления Ялтинско-Потсдамского порядка через линзы концепции «гистерезиса габитуса», т.е. понять, насколько им было свойственно воспроизводить традиционные практики, несмотря на изменившиеся условия среды. Как показано в первой части статьи, такая инерция мышления была особенно характерна для французского внешнеполитического планирования в 1943–1944 гг. Однако уже в 1945–1947 гг. начался процесс трансформации «габитуса»: французская дипломатия отказывалась от попыток добиться максимального ослабления Германии в пользу сближения с Великобританией и США. Одновременно французские военные всё настойчивее стали делать акцент на «советской

\* *Магадеев Искандэр Эдуардович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6521-2202).

угрозе». Полноценное разворачивание холодной войны поставило Париж перед необходимостью встроиться в «западный консенсус», не превратившись при этом в сателлита англосаксонских держав. В этих условиях в 1948–1949 гг. французская дипломатия сделала ставку на западноевропейскую интеграцию. Практическим выражением этой концептуальной перестройки внешнеполитического «габитуса» стало активное включение Франции в западные военно-политические блоки: Западный союз и НАТО. В то же время проявилась фундаментальная противоречивость внешнеполитических устремлений французского руководства: с одной стороны, оно старалось отстоять свою самостоятельность и не превратиться в сателлита Вашингтона, с другой — остро нуждалось в военно-политических гарантиях и кредитах от США. Поиск баланса между этими компонентами нового внешнеполитического «габитуса» Франции оставался трудной задачей для Парижа на протяжении всей холодной войны. Автор заключает, что хотя в рассматриваемый период можно констатировать существование эффекта «гистерезиса габитуса» во внешнеполитических установках французского руководства, оно также продемонстрировало способность гибко адаптировать свои планы, если они не вписывались в логику нарастающей холодной войны. Вместе с тем ряд базовых компонентов внешнеполитической идентичности страны, прежде всего императив возвращения «величия», оставались константами французской политики.

**Ключевые слова:** история международных отношений, Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, Ялтинско-Потсдамский порядок, холодная война, Франция, Четвертая Республика, европейская интеграция, европейская безопасность, европеизм, атлантизм, Ш. де Голль

**Для цитирования:** Магадеев И.Э. Контуры послевоенной системы безопасности в Европе во французских стратегических и дипломатических оценках (1943–1949) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 89–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-89-140.

**Iskander E. Magadeev**

**CONTOURS OF THE POST-WAR SECURITY SYSTEM  
IN EUROPE IN FRENCH STRATEGIC  
AND DIPLOMATIC ASSESSMENTS (1943–1949)**

*Moscow State Institute of International Relations (University)  
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

The issues of post-war settlement have always attracted the attention of researchers, yet this agenda is becoming particularly relevant amidst the ongoing

dramatic transformation of international relations. In this context, the study of the mechanisms and logic behind the advent of the Yalta-Potsdam order is especially relevant. The paper aims to trace the evolution of French strategic and diplomatic assessments regarding the key parameters of the security system in Europe following the Second World War. The case of France can serve as an illustrative example of the process of a former great-power's painful adaption to the new international realities, associated with the loss of its status. To this end, the paper not only draws on a wide range of rare archival documents, but also adapts a new theoretical framework to explicate the evolution of the French foreign policy during the formation years of the Yalta-Potsdam order — the concept of 'hysteresis of habitus'. The latter helps to highlight the extent to which the French policy makers at that time tended to reproduce traditional practices, disregarding the changing international context. The first section shows that this political inertia was particularly common to French foreign policy planning in 1943–1944. However, it was already the period of 1945–1947 that the 'habitus' transformation began: French diplomacy abandoned attempts to weaken Germany as much as possible in favour of rapprochement with Great Britain and the United States. Meanwhile, the French military increasingly began to focus on the 'Soviet threat'. The beginning of the Cold War confronted Paris with the need to integrate into the 'Western consensus', yet without becoming a satellite of the Anglo-Saxon powers. In these circumstances, French diplomacy in 1948–1949 focused on Western European integration. This conceptual transformation of the foreign policy 'habitus' manifested itself in the active engagement of France with the Western military-political blocs: the Western Union and NATO. At the same time, it revealed the fundamental inconsistency of the French foreign policy aspirations. On the one hand, France sought to ensure its independence and avoid becoming the U.S. satellite, on the other, it was in dire need of military and political guarantees and loans from the United States. Finding a balance between these components of France's new foreign policy 'habitus' remained a difficult task for Paris throughout the Cold War. The author concludes that although it is possible to observe the 'hysteresis of habitus' effect in the French foreign policy planning during the period under consideration, the country's leadership also demonstrated the ability to tailor its plans to the logic of the intensifying Cold War. At the same time, a number of basic components of the country's foreign policy identity, primarily the imperative of restoring 'greatness', remained constants of French politics.

**Keywords:** history of international relations, World War II, post-war settlement, Yalta-Potsdam order, Cold War, France, Fourth Republic, European integration, European security, Europeanism, Atlanticism, Charles de Gaulle

**About the author:** *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor at the Department of European and American Studies, School of Interna-

tional Relations, MGIMO University (e-mail: iskander2017@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6521-2202).

**For citation:** Magadeev I.E. 2025. Contours of the post-war security system in Europe in French strategic and diplomatic assessments (1943–1949). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 89–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-89-140. (In Russ.)

Проблематика послевоенного урегулирования относится к числу актуальных как для истории, так и для теории международных отношений [Ikenberry, 2019]. Изучение планов на послевоенный период, а также специфики их реализации (или отсутствия таковой) ценно для понимания генезиса международных порядков, формировавшихся по итогам конфликтов между великими державами, в том числе Ялтинско-Потсдамского порядка (системной модели). Вопросы, связанные с безопасностью в Европе (прежде всего «германский вопрос»), составили «ядро» данного порядка. Процесс болезненной перестройки архитектуры европейской безопасности в современных международных отношениях дополнительно усиливает интерес к изучению опыта прошлого.

Цель статьи — раскрыть французские стратегические и дипломатические оценки по вопросу о ключевых параметрах системы безопасности в Европе по итогам Второй мировой войны. Под такими оценками понимаются концепции и планы, как озвучиваемые публично, так и остававшиеся секретными, которые были сформулированы в кругах деголлевских органов власти в 1943–1944 гг., Временного правительства Франции в 1944–1946 гг., а затем правительства Четвертой республики. За рамками анализа остаются оценки, которые давали дипломаты и военные «другой» Франции в годы Второй мировой войны — коллаборационистского режима Виши. Такие оценки, изучение которых может составить содержание отдельного исследования, не оказали непосредственного влияния на практические шаги руководства Франции после войны, берущего начало в Движении Сопротивления, антагонистичном режиму Виши.

Автор стремится ответить на следующие вопросы: как дипломаты и военные Франции представляли себе послевоенный баланс сил и ключевые угрозы безопасности; в каком статусе они видели собственную страну; каким, с их точки зрения, было место Франции в системе альянсов и блоков? При ответе на указанные вопросы ос-

новное внимание будет обращено на восемь тематических блоков: отношения Франции с (1) США, (2) СССР, (3) Германией, (4) Великобританией; (5) военный потенциал страны; (6) место Франции в ООН; (7) степень французского влияния в Центрально-Восточной Европе; (8) воздействие «колониального фактора». Они были отобраны как наиболее значимые для характеристики внешней политики Парижа в 1943–1949 гг. по результатам авторского анализа выборки источников, о которой будет сказано далее, а также имеющейся историографии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с октября–ноября 1943 г. (первой полномасштабной дискуссии о послевоенной внешней политике, которая состоялась в руководстве Французского комитета национального освобождения (ФКНО)) и до апреля–мая 1949 г. — создания НАТО и провозглашения ФРГ. Эти события ознаменовали складывание базовых элементов, которые были характерны для стратегической ситуации в Европе в годы холодной войны (до объединения Германии). Они зафиксировали принадлежность Франции к западному блоку, закрепили ситуацию разделения Германии, что было крайне важно для Парижа, а также окончательно подтвердили неудачу французской дипломатии в реализации ряда концепций, которые были сформулированы в 1943–1944 гг.

Как будет показано далее, базовые внешнеполитические установки Франции за эти пять с лишним лет претерпели кардинальные изменения по ряду важных вопросов. Подобное обстоятельство стимулирует интерес к изучению хронологического периода, который охватывает как заключительную фазу Второй мировой войны, так и первые годы биполярного противостояния. Обращение к данной проблематике в текущей международно-политической ситуации важно по нескольким причинам. Во-первых, анализ трансформации французских оценок призван продемонстрировать, как суждения дипломатов и военных менялись под воздействием новых международных реалий, как концепции, казавшиеся фундаментальными на одном этапе, подвергались существенной, а иногда и кардинальной перестройке на другом. Во-вторых, ответ на поставленные выше вопросы позволит подчеркнуть нелинейность развития международных отношений, в том числе генезиса Ялтинско-Потсдамского порядка. Одна из ключевых его характеристик — биполярность, принявшая форму «конфликтного взаимодействия» СССР и США

[Белоусов, Манькин, 2021], — не рассматривалась современниками, в том числе рядом французских дипломатов, как изначально заданная и неизбежная. В-третьих, на базе изучения французских оценок в статье будут раскрыты отдельные грани болезненного процесса адаптации руководства страны к потере былого великодержавного статуса и к сокращению внешнеполитических возможностей по сравнению с довоенным периодом.

Источниковую базу статьи составили документы, в которых отразились стратегические и дипломатические оценки французского руководства и людей, участвовавших и/или влиявших на принятие внешнеполитических решений. Используемые документы можно подразделить на три основные группы.

Первая — опубликованные тома «Французских дипломатических документов» за 1944–1949 гг.<sup>1</sup> Публикация французских документов за период Второй мировой войны и первые послевоенные годы была организована специфическим образом. За эту работу отвечали две группы исследователей, трудившиеся в разном темпе. Период с 1944 по 1954 г. входил в зону ответственности группы во главе с Ж.-А. Суту (к настоящему времени опубликованы тома до 1952 г. включительно); период с 1939 по 1944 г. — группы во главе с А. Каспи (к настоящему времени опубликованы тома до 1941 г. включительно). Таким образом, документы за 1943 г. пока не были опубликованы. Однако стоит отметить, что важные дискуссии по внешнеполитическим вопросам, пришедшиеся на 1943 г., проанализированы в статьях Ж.-А. Суту [Суту, 2006: 159–162; Soutou, 2008: 146–155]. Значимые сведения о французской позиции были почерпнуты также из опубликованных дипломатических документов СССР, США и Великобритании.

Во вторую группу использованных источников вошли материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, Национального архива Франции, а также отдельные документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). В случае французских архивных материалов речь идет о личных фондах трех деятелей, задействованных в формулировании и реализации внешней политики страны:

---

<sup>1</sup> Documents diplomatiques français (DDF). 1944–1954. T. 1–14 (9 septembre 1944 — 31 décembre 1949). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P.I.E. Peter-Lang, 1996–2015.

а) Ж. Бидо: в 1946, 1949–1950 гг. занимал пост председателя правительства, в 1944–1946, 1947–1948, 1953–1954 гг. — министра иностранных дел Франции<sup>2</sup>;

б) Р. Массильи (Массигли): в 1943–1944 гг. был комиссаром ФКНО по иностранным делам, в 1944–1955 гг. — послом Франции в Великобритании<sup>3</sup>;

в) М. Дежана: в 1943–1944 г. — представитель ФКНО при союзных правительствах в Лондоне, в 1944–1945 гг. — глава политического управления МИД Франции, в 1945–1949 гг. — посол в Чехословакии<sup>4</sup>.

Среди документов АВП РФ были использованы прежде всего материалы из фонда референтуры Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) СССР по Франции за 1944 г.<sup>5</sup>

Исследовательский интерес представляет и то, как события 1943–1949 гг. осмыслили современники. Статьи экспертов и политиков, публиковавшиеся на страницах аналитических изданий и «качественной прессы», составили третью группу использованных источников.

В историографическом отношении статья занимает срединное место между детальными исследованиями, посвященными отдельным вопросам внешней политики Франции в 1940-е годы, с одной стороны, и обобщающими монографиями — с другой. Охватывая достаточно широкий и крайне насыщенный событиями хронологический отрезок, статья не претендует на то, чтобы раскрыть все оценки французской дипломатии. По степени детализации она уступает ряду работ, в которых были рассмотрены ключевые сюжеты в развитии французского внешнеполитического курса в 1940-е годы. Среди таких сюжетов выделим следующие:

а) эволюция оценок Кэ д'Орсэ<sup>6</sup> в отношении СССР [Soutou, 1998; Creswell, Trachtenberg, 2003];

---

<sup>2</sup> Archives Nationales de la France (AN). Papiers Bidault. 457 Archives privées (AP). Vol. 82. Пагинация в этом архивном деле отсутствует.

<sup>3</sup> Archives du Ministère des Affaires étrangères (АМАЕ). Papiers d'agents. Papiers Massigli (217 PAAP). Vol. 42.

<sup>4</sup> АМАЕ. Papiers d'agents. Papiers Dejean (288 PAAP). Vol. 75.

<sup>5</sup> Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0136. Оп. 28. П. 186. Д. 8.

<sup>6</sup> Дословно — набережная Орсе. Термин, используемый в дипломатическом обиходе для обозначения МИД Франции (по его месторасположению в Париже).

б) французская политика в «германском вопросе» [France and the German question..., 2019], в том числе в период Берлинского кризиса 1948–1949 гг. [Buffet, 1991; Barièty, 1994];

в) взаимодействие Франции с США и Великобританией [Wall, 1991; Milza, 1996; Doise, Vaïsse, 2015], в частности по вопросам плана Маршалла и формирования НАТО [Фалалеев, 2019, 2020];

г) французские проекты европейской интеграции [Наумова, Фалалеев, 2016; Heyde, 2010], включая подготовку плана Шумана 1950 г. и создание Европейского объединения угля и стали [Hitchcock, 1997; Ciarpi, 2023];

д) позиция французской дипломатии в период формирования и первые годы существования ООН [Williams, 2017; Pearson, 2020];

е) война Франции в Индокитае в 1946–1954 гг. и реакция Парижа на процессы деколонизации [Черкасов, 1985; Канинская, 2008];

ж) попытки Парижа сохранить внешнеполитическое влияние в Центрально-Восточной Европе [Allard, 2005; Macher, 2010];

з) роль ключевых государственных и политических деятелей в реализации внешнеполитического курса страны. Особенно тщательно был исследован вклад сопредседателя/председателя ФКНО (1943–1944), а затем главы Временного правительства Франции (1944–1946) Ш. де Голля [Арзаканян, 2012; Jackson, 2018], а также главы Генерального комиссариата по планированию (1946–1952) и будущего «отца Европы» Ж. Монне [Болдырева, 2008; Ciarpi, 2022]. Вместе с тем историки не обошли вниманием и других государственных и политических деятелей, дипломатов и военных. Среди таких фигур можно выделить: а) министров иностранных дел Ж. Бидо [Шмелев, 2010; Bézias, 2006] и Р. Шумана (занимал пост в 1948–1953 гг.) [Robert Schuman et les pères de l'Europe..., 2008]; б) командующего французской оккупационной зоной в Германии (1945–1949) генерала П. Кёнига [Hudemann, 2002]; в) дипломатов Р. Массильи [Ulrich-Pier, 2006] и М. Дежана [Davieau-Pousset, 2015].

Таким образом, хотя предложенная статья не претендует на всеохватность, в ней дан более подробный анализ французских внешнеполитических концепций, чем тот, что представлен в большинстве обобщающих работ отечественных франковедов, которые изучали период 1940-х годов [Канинская, 1999; Обичкина, 2012]. Выводы автора уточняют и конкретизируют некоторые положения зарубежных монографий, посвященных внешней политике Франции в рассматриваемый период. Главным образом такие труды

принадлежали перу французских [Soutou, 2018], немецких [Hüser, 1996b], американских [Hitchcock, 1998] и британских историков [Young, 1990]. Как правило, для них был характерен акцент на изучении западноевропейской и атлантической политики Парижа. Такие сюжеты, как отношения Франции с СССР и политика Парижа в Центрально-Восточной Европе, были проанализированы в меньшей степени.

Обилие работ по отдельным аспектам внешней политики Франции контрастирует с меньшим количеством исследований, нацеленных на то, чтобы выявить концептуальные основания, на которых базировались послевоенные проекты французских дипломатов и военных [La puissance française en question..., 1988; Shennan, 1989]. В целом автор стремится к гармоничному сочетанию двух исследовательских ракурсов: во-первых, выделение общих тенденций развития французской дипломатии и стратегии после Второй мировой войны; во-вторых, анализ конкретных примеров с опорой на исторические источники. Такой подход имеет свои преимущества: с одной стороны, он позволяет в сжатом виде сформулировать выводы, которые могут быть интересны не только франковедам, но и специалистам-международникам более широкого профиля; с другой стороны, эти выводы будут подкреплены конкретными фактами и документами. Стоит отметить и такое обстоятельство, как историографический дисбаланс в изучении советских, американских и британских подходов к послевоенному устройству, которым уделялось основное внимание, по сравнению с французскими, которые нередко оставались в тени на страницах обобщающих трудов по истории послевоенных международных отношений.

Помимо привлечения редких архивных документов новизну статье придает сама постановка основного исследовательского вопроса: как прогнозы и планы французской дипломатии, сформулированные в годы Второй мировой войны, соотносились с теми реалиями, с которыми Париж столкнулся в первые послевоенные годы? Эксплицитная формулировка такой задачи не была характерна для указанных выше исследовательских работ, чьи авторы либо были погружены в конкретно-исторические сюжеты, либо ставили более общий вопрос о преемственности и новизне во французской внешней политике после 1945 г. [Обичкина, 2012; Vozo, 2019]. Если использовать термины французского социолога П. Бурдьё, то речь идет о попытке показать, насколько для французской внешней по-

литики был характерен «гистерезис габитуса», т.е. воспроизводство устойчивых предрасположенностей и практик, выработанных в определенных условиях среды, даже тогда, когда эти условия серьезно изменились [Бурдые, 2001: 122–123].

### **Баланс сил и международные отношения в Европе в 1943–1944 гг. Ставка на альянс с Москвой**

Комиссия для изучения послевоенных вопросов во главе с дипломатом Э. Альфаном была сформирована при Французском национальном комитете (ФНК; председатель — генерал Ш. де Голль) в Лондоне согласно декрету от 2 декабря 1941 г. [Shennan, 1989: 59–63]. Однако разворачивание полноценного обсуждения того, на каких основаниях будет построена внешняя политика Франции после войны, пришлось на период «коренного перелома». Дискуссия по внешнеполитическим вопросам, состоявшаяся на заседании ФКНО 12 октября 1943 г. в Алжире (ФКНО заменил ФНК в июне 1943 г.), а также составленные по ее итогам записки и проекты продемонстрировали вариативность точек зрения во французском руководстве [Суту, 2006: 159–162]. Выделялись четыре подхода, которые с некоторой условностью можно обозначить как пробританский, просоветский, опора на «малых союзников» и наднациональный (европейский). При этом они не всегда были антагонистичными и могли сочетаться в различных комбинациях.

К сторонникам первого подхода можно отнести Р. Массильи. Как вспоминал сам дипломат, его основной тезис, сформулированный на заседании ФКНО 12 октября 1943 г., состоял в том, что альянс с Великобританией в наибольшей степени отвечал интересам Франции и был связан для Парижа с наименьшими издержками [Soutou, 2008: 153–154]. Представителем иной точки зрения выступил М. Дежан, настаивавший на приоритете альянса с СССР. Как следовало из записок от 13 октября и 3 ноября 1943 г., М. Дежан полагал, что среди стран «большой тройки» Советский Союз в наибольшей степени заинтересован в недопущении новой агрессии Германии. Это создавало базу для советско-французского альянса, который, однако, как предупреждал дипломат, не стоило противопоставлять отношениям Франции с Великобританией и США<sup>7</sup>. М. Дежан считал возможным признать за Советским Союзом обширную «зону безопасности»,

<sup>7</sup> Note de Dejean, 3 novembre 1943 // AN. 457 AP. Vol. 82.

которая включала бы Финляндию, Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Югославию, Иран, Синьцзян, Внешнюю Монголию, Маньчжурию (при условии уважения Москвой самостоятельности признанных государств) [Soutou, 2008: 149]. Ставку на союзные отношения с СССР делал также политик-левоцентрист из партии радикалов и радикал-социалистов, бывший министр авиации П. Кот. Как отмечал заместитель наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов во время визита П. Кота в Советский Союз в июле 1944 г., «мы относимся к нему не как к иностранному туристу, а как к патриоту Франции и нашему другу»<sup>8</sup>.

К представителям подхода «опора на “малых союзников”» можно отнести видного участника Движения Сопротивления, основателя группы «Комба» и комиссара ФКНО по делам военнопленных и депортированных А. Френей. Он полагал, что после войны Франция может опереться на взаимодействие с малыми и средними государствами Европы и вести их за собой, не обязательно ориентируясь на альянс с одной или несколькими странами из числа «большой тройки». А. Френей, как и Р. Массильи, испытывал настороженность в отношении СССР, в том числе опасаясь его возможного влияния на внутривнутриполитическую жизнь Франции посредством Французской коммунистической партии (ФКП) [Soutou, 2008: 152–153]. Однако было бы неверно относить А. Френей в 1943 г. к ярким антисоветчикам. Выступая твердым сторонником европейской интеграции на федеративных началах, он стремился не противопоставить этот проект Советскому Союзу, а рассматривал СССР как часть расширенной Европы [Bossuat, 1997: 23–24].

Всё же в концепции А. Френей была заметна определенная ностальгия по прошлому великодержавному статусу Франции и системе «тыловых союзов» Парижа в Центрально-Восточной Европе. Это почти неизбежно создавало почву для советско-французских трений. Когда в ноябре 1944 г. представитель Временного правительства Франции в СССР Р. Гарро поставил в ходе беседы с В.Г. Деканозовым вопрос об отправке французских представителей в страны — бывшие сателлиты Германии (Румынию, Болгарию и Финляндию), он натолкнулся на жесткую реакцию. В.Г. Деканозов подчеркнул, что этот вопрос «очень сложный», и предвидел «большие затруднения

---

<sup>8</sup> Из дневника Деканозова, 11 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 28. П. 186. Д. 8. Л. 108.

в его разрешении»<sup>9</sup>. Посол СССР А.Е. Богомолов в более мягких выражениях доносил аналогичную позицию до французских дипломатов в Париже<sup>10</sup>. Было очевидно, что стремление Франции сохранить влияние на Востоке Европы Москва не встретит радушно.

Если компонент «европеизма» присутствовал в проектах А. Френея, то в еще большей степени он был характерен для концепций, которые развивали другие участники Движения Сопротивления, при этом «наибольшую активность в разработке европейских проектов проявляли» члены Социалистической партии (СФИО; Section française de l'Internationale ouvrière, SFIO)<sup>11</sup> [Наумова, Фалалеев, 2016: 23]. Ее лидер Л. Блюм, арестованный вишистскими властями, размышлял о создании после войны европейской наднациональной федерации как о прологе еще более грандиозного проекта — «супермондиалистского» государства, или Соединенных Штатов Мира, в рамках которых суверенитет национальных государств был бы серьезно ограничен [Наумова, 2015: 320–322].

Для европейских проектов, которые на протяжении 1943 г. развивали комиссар ФКНО по вооружениям Ж. Монне и его сподвижники, был характерен не столько идеологический, сколько функционалистский посыл. В записке от 4 августа 1943 г. Ж. Монне писал об узости внутренних рынков ряда европейских стран и планировал расширить емкость этих рынков за счет интеграции [Margairaz, 1982: 463]. Развивая подобные тезисы, Э. Альфан в записке от 17 сентября 1943 г. наметил проект таможенного союза (или союзов) между государствами Европы. Он прогнозировал, что европейские бюро по распределению помощи (например, при поддержке со стороны образованной в ноябре 1943 г. Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций) сформируют «твердое ядро по вопросам координации европейских производств в будущем». Начать Э. Альфан предлагал со сближения Франции с Бельгией и Нидерландами [Margairaz, 1982: 463]. Весной 1944 г. такие проекты уже активно обсуждались французскими дипломатами с представителями этих стран<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Из дневника Деканозова, 17 ноября 1944 г. // Там же. Л. 133–135.

<sup>10</sup> Conversation avec Bogomolov, 25 décembre 1944 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>11</sup> Французская секция Рабочего Интернационала. Название Французской социалистической партии в 1905–1969 гг.

<sup>12</sup> Conversation avec van Zeeland, 2 mars 1944; De Dejean, 15 mars 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 22–23, 76–78.

Итогом осенних дискуссий по внешнеполитическим вопросам стал программный циркуляр Ш. де Голля от 30 октября 1943 г. Первостепенное значение в нем было отведено альянсу с Советским Союзом, который «будет играть в европейской политике более значимую роль, чем Российская империя после 1815 г.» [цит. по: Фалалеев, 2016: 120]<sup>13</sup>. Ради этих целей Ш. де Голль был готов ослабить связи Парижа с Варшавой и Бухарестом, где былое французское влияние, с его точки зрения, вряд ли можно было восстановить полностью. Однако генерал нацеливался обеспечить невмешательство Москвы во внутреннюю политику Франции [Магадеев, 2020: 316–317].

Представления Ш. де Голля о послевоенном внешнеполитическом курсе Франции отнюдь не сводились к советскому направлению. Реагируя на активизацию послевоенного планирования стран «большой тройки», Ш. де Голль в записке от 24 февраля 1944 г. призвал Р. Массильи ускорить работу над собственными предложениями МИД Франции по «германскому вопросу». В качестве одной из генеральных линий Ш. де Голль наметил план по созданию «стратегической и экономической федерации» Франции и стран Бенилюкса<sup>14</sup>. Предусматривалось включение в состав этой федерации Рейнской области. Под ней Ш. де Голль подразумевал не только левый берег Рейна, но и «те территории на правом берегу, которые являются стратегическими и экономическими дополнениями» левобережья<sup>15</sup>. Не исключалось вступление в федерацию Великобритании, однако ее членство не рассматривалось как неотъемлемое условие проекта<sup>16</sup>. Помимо политических факторов влияло и другое обстоятельство, хорошо осознаваемое на Кэ д'Орсэ: в производственном отношении Великобритания, в отличие от Германии, не была столь жизненно необходима Франции, а британская экономика не дополняла французскую [Bossuat, 1990: 3]. Речь Ш. де Голля о создании после войны западноевропейской группы государств, произнесенная 18 марта 1944 г. в Алжире, коррелировала с идеями, которые он выражал на страницах внутренних документов ФКНО [Магадеев, 2020: 326].

Оптимальной для Франции, согласно циркуляру Ш. де Голля от 30 октября 1943 г., была «трехсторонняя комбинация Англия–

---

<sup>13</sup> Текст циркуляра от 30 октября 1943 г. см. в: АМАЕ. 217 ПААР. Vol. 41. Fol. 148–152.

<sup>14</sup> АМАЕ. 217 ПААР. Vol. 42. Fol. 18.

<sup>15</sup> Ibidem.

<sup>16</sup> Ibid. Fol. 19.

Франция–Россия: первую сторону треугольника представляет собой англо-советский договор, вторую — франко-советский договор, а франко-английский договор их бы дополнил» [цит. по: Фалалеев, 2016: 121]. Отражением своеобразного балансирования Ш. де Голля между СССР и Великобританией стала его дипломатия в ноябре 1944 г. Переговоры с У. Черчиллем, состоявшиеся в Париже 11–12-го числа, стали сигналом об англо-французском сближении<sup>17</sup>. Однако глава Временного правительства Франции сопровождал его движением в сторону СССР, выразив во время беседы с А.Е. Богомоловым свое желание отправиться в Москву. В отличие от прошлых попыток, этот демарш привел к конкретным результатам (советское приглашение было передано 14 ноября)<sup>18</sup>.

Дипломатическая «геометрия», намеченная в циркуляре от 30 октября 1943 г., была важна в том числе в статусном отношении. Когда во время визита генерала в Москву, увенчавшегося подписанием 10 декабря 1944 г. договора о взаимопомощи с СССР, У. Черчилль (через послание И.В. Сталину) выступил с идеей заключения трехстороннего договора (Советский Союз, Великобритания, Франция), реакция Ш. де Голля и Ж. Бидо была резко негативной. В этом предложении Ж. Бидо увидел попытку обеспечить «простое присоединение Франции к англо-советскому договору»<sup>19</sup>. Символически это подчеркивало ее «неравновесность» в отношениях с Москвой и Лондоном. М. Дежан сетовал на то, что «неудачная инициатива г-на Черчилля сделала заключение франко-советского договора более затруднительным и даже могла сорвать его»<sup>20</sup>.

В преддверии визита Ш. де Голля, а также в ходе самих московских переговоров именно французская сторона проявила инициативу в заключении договора с СССР, в котором были предусмотрены максимально жесткие и даже автоматические гарантии на случай агрессии Германии. Как свидетельствуют документы из фонда М. Дежана, дипломат очень внимательно работал над проектом

<sup>17</sup> Bidault à tous les postes, 24 novembre 1944 // DDF. 1944. T. 2. Paris: Imprimerie nationale, 1996. P. 327–328.

<sup>18</sup> Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 144–145; Bogomolov à de Gaulle, 14 novembre 1944 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>19</sup> Запись беседы Молотова с Бидо, 7 декабря 1944 г. // Советско-французские отношения... С. 187.

<sup>20</sup> Dejean à Londres, 15 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 307.

договора о взаимопомощи (первый проект датирован 23 ноября 1944 г.)<sup>21</sup>. В архивных материалах отложились его многочисленные рукописные правки, уточнения и коррективы<sup>22</sup>. В качестве образца для нового соглашения он рассматривал не советско-французский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., который был полностью дискредитирован, а военную конвенцию между Российской империей и Францией от 5(17) августа 1892 г.<sup>23</sup>

Однако о полной гармонии подходов речи не шло. Как подчеркивал Ж. Бидо в циркулярной телеграмме по итогам переговоров в Москве, «генерал де Голль подчеркнул, что Франция намеревается остаться на Рейне на постоянной основе и рассчитывает на создание международного административного и экономического режима для управления Руром — главным арсеналом рейха»<sup>24</sup>. Однако И.В. Сталин отметил, что СССР и Франция не могут решать такие вопросы тет-а-тет, что косвенно свидетельствовало о приоритете, который Москва отдавала отношениям в рамках «большой тройки»<sup>25</sup>. А.Е. Богомолов также подчеркивал, что французская дипломатия не должна использовать договор с СССР «против англичан и американцев, которые являются союзниками русских и в которых русские нуждаются»<sup>26</sup>.

Позитивный тон телеграммы Ж. Бидо по итогам московских переговоров сглаживал углы в еще одном отношении. Министр иностранных дел подчеркнул близость позиций двух стран в вопросе о недопущении агрессии Германии, а также отсутствие принципиальных разногласий в подходе к международной организации безопасности (будущей ООН). В 1944 г. Париж и Москва сходились в том, что ООН должна закрепить взаимодействие ведущих стран антигитлеровской коалиции с целью не допустить новых агрессивных действий со стороны государств «оси», прежде всего Германии<sup>27</sup>. Однако вопрос о том, как будут сочетаться советско-французский альянс, напоминавший «старые» союзы образца до 1914 г., и кол-

---

<sup>21</sup> DDF. 1944. T. 2. P. 321–322.

<sup>22</sup> AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 3–73.

<sup>23</sup> Note de la Direction politique, 23 novembre 1944 // DDF. 1944. Vol. 2. P. 320.

<sup>24</sup> De Bidalt, 15 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 326.

<sup>25</sup> Запись беседы Сталина с де Голлем, 2 декабря 1944 г. // Советско-французские отношения... С. 162.

<sup>26</sup> Conversation avec Bogomolov, 25 décembre 1944 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>27</sup> De Bidalt, 15 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 328.

лективная безопасность, вызывал определенную напряженность. На Кэ д'Орсэ фиксировали обеспокоенность американского общественного мнения по данному вопросу, усугубляемую отсутствием упоминаний о будущей международной организации в тексте советско-французского договора (в отличие, например, от текста договора между СССР и Великобританией от 26 мая 1942 г.)<sup>28</sup>.

Однако о действительной коллизии двух моделей безопасности речи не шло. В преддверии Сан-Францисской конференции (25 апреля — 26 июня 1945 г.), учредившей ООН, И.В. Сталин заверил посла Франции в СССР генерала Ж. Катру в том, что создание международной организации не ослабит «автоматизм» советско-французского договора и тот может быть гармонично встроен в систему коллективной безопасности<sup>29</sup>. М. Дежан рассматривал советско-французский и советско-британский договоры о взаимопомощи в качестве основных блоков «огромного здания безопасности и процветания» после окончания войны<sup>30</sup>. Ж. Бидо в свою очередь продолжал испытывать определенное беспокойство по поводу того, что коллективная безопасность в рамках ООН может снизить эффективность и затруднить реализацию региональных соглашений<sup>31</sup>.

В концепции «трех этажей» безопасности, которую Ш. де Голль изложил во время беседы с И.В. Сталиным 8 декабря 1944 г., первое место было отведено отношениям Франции с СССР, второе — взаимодействию с Великобританией и лишь третье — отношениям с США<sup>32</sup>. Оценки, которые на протяжении 1943 г. делал французский дипломат Ж. Шовель, возглавлявший подпольное исследовательское бюро в Париже (в период с конца 1942 г. до весны 1944 г. оно занималось вопросами послевоенного внешнеполитического планирования [Europe brisée..., 1994: 133–154]), а также записки Р. Массильи за этот период демонстрировали, что французские эксперты исходили из варианта относительно скорого ухода американских войск из Европы после войны [Hüser, 1996a: 56–57].

<sup>28</sup> Note de la Direction d'Amérique pour Bidault, 18 décembre 1944 // DDF. 1944. T. 2. P. 462.

<sup>29</sup> Запись беседы Сталина с Катру, 19 марта 1945 г. // Советско-французские отношения... С. 294.

<sup>30</sup> Note du 18 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 333.

<sup>31</sup> Entretien entre Bidault et Molotov, 1 mai 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>32</sup> Советско-французские отношения... С. 196, 198.

Таким образом, французские проекты послевоенного устройства, сформулированные в 1943–1944 гг., были построены на принципах, отнюдь не все из которых затем были воплощены в реальность. Базовым для Ш. де Голля и его соратников был посыл о восстановлении великодержавного статуса Франции в качестве одной из ведущих держав-победительниц и, что не исключалось, ключевого государства западноевропейского интеграционного объединения (вопрос об участии Великобритании в нем оставался подвешенным). С новыми реалиями в виде советского доминирования в Восточной Европе, вызревавшего уже на завершающем этапе Второй мировой войны, слабо коррелировало стремление французского руководства восстановить свое влияние в странах — бывших «тыловых союзниках». В этом отношении особенно наглядно проявился «гистерезис габитуса» французского внешнеполитического мышления. Если в 1943–1944 гг. в дискуссиях по послевоенным вопросам уже присутствовала атлантистская линия, представленная Ж. Монне и Р. Массильи, то сам Ш. де Голль, а также влиятельные деятели в его окружении (в том числе М. Дежан) делали ставку на приоритет альянса с СССР как с государством, в большей степени, чем США и Великобритания, заинтересованном в недопущении новой агрессии Германии.

### **Трансформация европейской стратегии и дипломатии Франции в 1945–1947 гг.**

Приближавшееся окончание войны оказало разноплановое влияние на французские представления о будущей архитектуре безопасности в Европе. Грядущее поражение Германии придавало всё большую актуальность закреплению внешнеполитических идей на практике. Однако международный контекст для реализации французских тезисов отнюдь не всегда был благоприятным.

Ялтинская конференция «большой тройки», участия в которой безуспешно добивался Ш. де Голль, усилила опасение Кэ д'Орсэ, что Франция будет маргинализована<sup>33</sup>. Несколько неуклюжая инициатива Ф. Рузвельта — предложение, адресованное Ш. де Голлю, встретиться в Алжире на американском военном корабле на обратном пути президента из Ялты — лишь усугубила недовольство

---

<sup>33</sup> Massigli à Bidault, 13 février 1945 // DDF. 1945. T. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1998. P. 196.

генерала<sup>34</sup>. Своего рода ответом Ш. де Голля на неприглашение в Ялту стало радиовыступление 5 февраля 1945 г. В нем он стремился подчеркнуть растущий вклад Франции в войну, а также обозначил контуры послевоенной безопасности. «Прекрасный и хороший альянс с могущественной и доблестной Советской Россией» планировалось дополнить аналогичным соглашением с Великобританией, военнополитическим и экономическим сотрудничеством со странами Бенилюкса, взаимодействием с США в рамках ООН и нормализацией отношений с Италией<sup>35</sup>.

Решения, принятые в Ялте, пусть и без французского участия — о предоставлении Франции зоны оккупации в Германии, места в будущем Союзном контрольном совете по Германии и статуса одного из организаторов конференции по учреждению ООН (что предварило получение статуса постоянного члена Совета Безопасности), отвечали французским интересам<sup>36</sup>. В Париже верно считали, что основным проводником французских интересов в Ялте выступила Великобритания<sup>37</sup>.

Новым фактором развития французских внешнеполитических концепций, однако, стало обострение отношений в антигитлеровской коалиции после конференции «большой тройки» в Ялте. Сведения, поступавшие на Кэ д'Орсэ, не всегда совпадали друг с другом. Ж. Катру сообщал из Москвы о растущем пессимизме, с которым посол США в СССР А. Гарриман смотрел на будущее советско-американских отношений, а также о призывах американского дипломата думать о «группе из Соединенных Штатов, Великобритании и Франции» в качестве противовеса Советскому Союзу<sup>38</sup>. Информация из Лондона была иной. В апреле 1945 г. Р. Массильи полагал, что американцы не хотят создать в Москве впечатление о складывании западного блока, однако британцы с большей готовностью идут по этому пути<sup>39</sup>. В окружении Ш. де Голля присутствовал и свой подход. С точки зрения близкого к генералу дипломата Э.Б. де Розьера,

<sup>34</sup> Голль де Ш. Военные мемуары. Спасение 1944–1946. М.: АСТ, 2004. С. 102.

<sup>35</sup> Allocution de de Gaulle, 5 février 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>36</sup> Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 247, 249.

<sup>37</sup> Note de la Direction d'Afrique-Levant, 22 mai 1945 // DDF. 1945. Т. 1. P. 672.

<sup>38</sup> De Catroux, 30 mars 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>39</sup> Massigli à Bidault, 9 avril 1945 // DDF. 1945. Т. 1. P. 482.

Франция не должна была занимать чью-то сторону в обострившихся отношениях между СССР и Великобританией. Не называя фамилий, дипломат критиковал позицию, близкую Р. Массильи: «Во Франции продолжает существовать прочная иллюзия, что Великобритания готова открыть нам путь для возвращения мощи...». Э.Б. де Розьер призывал рассчитывать прежде всего на «собственную энергию»<sup>40</sup>.

В Париже полагали, что свои риски существуют для Франции как в случае единства «большой тройки», выступающей привилегированным клубом наиболее могущественных держав, так и в случае резкого обострения отношений между ними. Накануне Сан-Францисской конференции присутствовали обе оценки. Сведения о том, что советскую делегацию вопреки изначальным планам не возглавит В.М. Молотов, рассматривались как очередное проявление сложностей в советско-американских отношениях. Из беседы с И.В. Сталиным, состоявшейся 19 марта, Ж. Катру вынес впечатление, что Москва относится к Сан-Францисской конференции как к «прелиминарной» и не хочет ангажироваться<sup>41</sup>.

Как ни странно, такая интерпретация отчасти коррелировала с французской точкой зрения. 17 апреля 1945 г., инструктируя французскую делегацию во главе с Ж. Бидо, Ш. де Голль призывал занять выжидательную позицию, но по причинам, отличавшимся от советских: «Франция, временно ослабленная, но с каждым днем наращивающая свою мощь и влияние, заинтересована в том, чтобы никоим образом не торопить ход событий». Он косвенно критиковал СССР, США и отчасти Великобританию, описывая их как «державы, которые к концу настоящего конфликта оказались могущественнее других» и пытаются «как можно скорее “реализовать” свое преимущество»<sup>42</sup>.

Антиколониальный настрой, серьезно разнившийся по внутреннему содержанию, но присутствовавший во внешнеполитических курсах СССР и США, расценивался французской дипломатией в качестве еще одного примера, как будущие «сверхдержавы» пытаются ослабить позиции Парижа<sup>43</sup>. Перспектива международной опеки (в рамках ООН) над бывшими колониальными территориями стран

---

<sup>40</sup> Note de Burin des Rozières pour de Gaulle, 9 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. Paris: Imprimerie nationale, 2000. P. 53.

<sup>41</sup> De Catroux, 30 mars 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>42</sup> Голль де Ш. Указ. соч. С. 563.

<sup>43</sup> Note de la Direction d'Afrique-Levant, 22 mai 1945 // DDF. 1945. T. 1. P. 672.

«оси» рассматривалась во Франции как потенциальная угроза и для французских колониальных владений [Pearson, 2020]. Ш. де Голль не поддерживал предоставление мандата на бывшие колониальные территории Италии Советскому Союзу<sup>44</sup>. Несмотря на разноплановые опасения, ход Сан-Францисской конференции оценивался французской дипломатией скорее позитивно, как проявление того, что «позиция Франция начинает получать должное признание»<sup>45</sup>.

Париж стремился обеспечить полноценное участие Франции в работе пятистороннего формата ведущих держав послевоенного мира (СССР, США, Великобритания, Франция, Китай) — в виде как Совета Безопасности ООН, так и Совета министров иностранных дел (СМИД), сформированного на основе решений Потсдамской конференции «большой тройки». Член французской делегации на Сан-Францисской конференции дипломат П.-Э. Наджияр исходил из того, что участие в «группе пяти» обеспечит «наиболее выгодные условия для политического и экономического восстановления Франции», а также для утверждения ее «глобального престижа» [цит. по: Pearson, 2020: 46].

Новое обострение отношений между СССР и странами Запада после окончания Второй мировой войны ставило Францию перед знакомыми дилеммами. Согласно наблюдательному современнику, французскому историку Ж.-Б. Дюрозелю «к моменту освобождения Франции Ш. де Голль был полон стремления реализовать две базовые идеи». Во-первых, восстановить великодержавный статус Франции в качестве центра Французского союза — новой формы колониальной империи; во-вторых, проводить независимый внешнеполитический курс и, как следствие, не примыкать «к одному из формирующихся в мире лагерей — русскому или англосаксонскому» [Duroselle, 1951: 323–324].

«Германский вопрос» оставался для Ш. де Голля ключевым, и от решений по нему во многом и зависела европейская стратегия Франции. Начиная с речи от 25 января 1945 г., генерал неоднократно озвучивал требование отсоединить от Германии левый берег Рейна. В заявлении для британской «The Times» от 10 сентября 1945 г. он сослался на территориальное усечение Германии на востоке, полагая,

---

<sup>44</sup> Голль де Ш. Указ. соч. С. 638.

<sup>45</sup> Memorandum of Conversation between Berard, Bonbright and Despres, 24 May 1945 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1945. Vol. 3. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1968. P. 1230.

что необходимо осуществить схожие меры и на западе. Ш. де Голль выступил за отделение Рейнской области и Рура и установление над ними «стратегического и политического контроля», который будут осуществлять Франция, Великобритания, Бельгия и Нидерланды<sup>46</sup>.

Во второй половине 1945 г. французские и советские дипломаты не исключали того, что в вопросах интернационализации Рура и отделении левого берега Рейна имеется почва для взаимодействия Парижа и Москвы<sup>47</sup>. Как свидетельствовали переговоры Ш. де Голля с президентом Г. Трумэнном и госсекретарем Дж. Бирнсом, состоявшиеся в августе 1945 г. в Вашингтоне, стороны расходились в оценке вероятности новой «германской угрозы»<sup>48</sup>. Ш. де Голль не исключал и некоторых односторонних действий. Под впечатлением от провальной Лондонской сессии СМВД (11 сентября — 2 октября 1945 г.) он был настроен решительно, считая, что страны «большой тройки» солидарны в отказе от французских требований по «германскому вопросу». Председатель Временного правительства Франции инструктировал П. Кёнига активно продвигать «собственную политику в нашей зоне [оккупации] и обеспечить первые конкретные результаты», в том числе ослабить «пруссский или баварский каркас, на котором держалась прошлая администрация»<sup>49</sup>. Применение Парижем права вето в Союзном контрольном совете по Германии в 1945–1946 гг., направленное против создания центральной администрации Германии (французская дипломатия выступала за федерализацию страны или превращение ее в союз государств), а также против ускоренного восстановления немецкой промышленности, вписывалось в самостоятельный курс Парижа. Последний, однако, всё больше вступал в конфликт с позициями США и Великобритании [Обичкина, 2012: 31].

Согласно оценке Ж.-А. Суту до 1947 г. или даже до 1948 г. «большинство дипломатов и политических деятелей» Франции «всё еще воспринимали Германию как проблему № 1, а СССР — как потенциального союзника против Германии» [Soutou, 1998: 274]. Однако это

<sup>46</sup> General de Gaulle on need of common policy // The Times. 10 September, 1945. P. 2.

<sup>47</sup> Bidault à Bonnet, 4 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 27; Записка Майского Молотову, 29 ноября 1945 г. // Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 331.

<sup>48</sup> Голль де Ш. Указ. соч. С. 616–620.

<sup>49</sup> De Gaulle à Koenig, 29 octobre 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 679–681.

не означало, что симптомы более раннего восприятия «советской угрозы» отсутствовали [Creswell, Trachtenberg, 2003].

Такие проявления были заметны уже летом 1945 г. Один из «конфиденциальных агентов» МИД Франции — вхожий в иностранные посольства журналист Л. Неманофф («Нак») — оценивал советские требования по Черноморским проливам как попытку получить над ними фактический контроль<sup>50</sup>. В записке Кэ д'Орсэ от 17 августа говорилось не только о плотном контроле СССР над востоком Европы, но и о «двух копьях» советской стратегии, направленных в район Балтийского моря и Датских проливов на севере, на Балканы, Черное море и Средиземноморье на юге [Soutou, 1998: 277]. Схожие опасения были характерны для части французских военных. В записке от 17 августа губернатор Рейнской области и Гессен-Нассау, французский генерал П. Бийот с тревогой информировал Ш. де Голля о быстрых темпах демобилизации вооруженных сил (ВС) США при сохранении численности Красной армии [Soutou, 2008: 179], хотя посол в США А. Бонне через год смотрел на ситуацию с меньшим алармизмом<sup>51</sup>.

В 1946 г. в условиях нарастания напряженности в рамках «большой тройки», а также отставки Ш. де Голля были симптомы того, что в Париже размышляют о перестройке внешнеполитического курса на взаимосвязанных направлениях — как германском, так и советском. Переписка генерального секретаря Кэ д'Орсэ Ж. Шовеля (занимал пост в 1946–1949 гг.) с Р. Массильи в июле 1946 г. демонстрировала, что оба дипломата склонялись к следующей точке зрения: СССР стремится к объединению Германии с целью установить свой контроль над всей страной [Soutou, 1998: 279]. В дальнейшем эта мысль прочно вошла в концептуальный арсенал МИД Франции<sup>52</sup>.

Более вероятным, однако, был другой сценарий — раздел Германии. Такое развитие событий, как отмечал Ж. Шовель 11 июня 1946 г. во время беседы с послом США Дж. Кэффри, приведет к тому, что французская линия в «германском вопросе» сблизится с англо-американской [Creswell, Trachtenberg, 2003: 10]. В августе 1946 г. Дж. Кэффри получил дополнительные сведения из окружения Ж. Бидо о том,

<sup>50</sup> Note de Nac, 3 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 20.

<sup>51</sup> Bonnet à Bidault, 5 septembre 1946 // DDF. 1946. T. 2. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 345–348.

<sup>52</sup> Massigli à Parodi, 4 avril 1949 // DDF. 1949. T. 1. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2014. P. 573.

что министр был готов пересмотреть прошлую голлистскую линию в «германском вопросе» и не отказывался от нее преимущественно по электоральным причинам, опасаясь быть подвергнутым критике со стороны голлистов и ФКП<sup>53</sup>.

Готовность Парижа сблизить свою внешнеполитическую позицию с Вашингтоном была неразрывно связана с растущей значимостью американских займов для Франции. В августе 1945 г., накануне вашингтонского визита Ш. де Голля, Э. Альфан размышлял о тяжелом финансовом положении страны и стоявших перед ней проблемах послевоенной реконструкции. Его вывод заключался в том, что переговоры с США по получению кредитов «жизненно необходимы для быстрого восстановления нашей экономики»<sup>54</sup>. Получение займа было основной целью и другого важного визита в США в мае 1946 г. французской делегацией во главе с Л. Блюмом (фактически ей руководил Ж. Монне). За счет различного рода уступок (одной из самых обсуждаемых в СМИ был расширенный доступ американских фильмов на французский киноэкран) Л. Блюм и Ж. Монне добились кредита в 720 млн долл. (вместо 4 млрд долл., на которые рассчитывали) [Margairaz, 1982].

Говоря о постепенном отходе Парижа от жесткой позиции в отношении Германии, важно учитывать еще один момент. Нельзя исключать, что даже в первые послевоенные годы во французском педалировании «германской угрозы» присутствовал элемент манипулирования — того, что немецкий историк Д. Хюзер назвал «двойной немецкой политикой» Парижа: «максималистские предложения, в которые больше не верили», служили прикрытием для получения более ограниченных, но реальных уступок от США и Великобритании [Hüser, 1996a: 58].

В сентябре 1945 г. Ж. Бидо говорил в своем окружении о «германской угрозе» как об «удобном мифе» [цит. по: Creswell, Trachtenberg, 2003: 13]. Акцент на возможности такой угрозы обеспечивал более выгодные позиции в послевоенных отношениях с «соседом по Рейну», а также с США и Великобританией. Всё же, как отмечал американский историк И. Уолл, французы, используя различные средства и прибегая к дипломатической двуличности, «были искренними в своих

---

<sup>53</sup> Caffery to Byrnes, 30 August 1946 // FRUS. 1946. Vol. 5. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1969. P. 596.

<sup>54</sup> Note de Alphant, 11 août 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 262.

озлобленных попытках замедлить восстановление Германии в 1946–1949 гг. и заблокировать ее перевооружение в 1950 г.» [Wall, 2008: 124].

С точки зрения автора, в обозначенных выше наблюдениях Д. Хюзера и И. Уолла нет прямого антагонизма. Стремление резко ослабить Германию, характерное для французских проектов 1943–1945 гг., не было наигранным и соответствовало давним «инстинктам» французской дипломатии, а также осмыслению уроков мировых войн. В этом смысле представляется возможным говорить о «гистерезисе габитуса» французской стратегии и внешней политики в «германском вопросе». Однако, натолкнувшись на невозможность реализации изначального замысла и подстраиваясь под меняющиеся международные реалии, прежде всего рост противоречий между СССР и США и постепенное складывание западного блока, Париж трансформировал свои концепции по взаимосвязанному комплексу вопросов. Ставка на максимальное ослабление Германии сменилась попыткой выгоднее «продать» свою прошлую позицию в отношениях с США и Великобританией, на политику солидарности с которыми теперь был сделан акцент. Иными словами, начался процесс трансформации внешнеполитического «габитуса» с опорой на те из его элементов, которые существовали и ранее (концепции Ж. Монне и Р. Массильи). В 1945–1947 гг. французская дипломатия всё стремительнее отходила от былых идей о сближении СССР и от выполнения функции моста между Советским Союзом и западными державами, а французские военные всё настойчивее делали акцент на «советской угрозе». Налицо была и растущая финансовая зависимость Франции от американских кредитов, также стимулировавшая осуществление политики «западной солидарности».

### **Логика холодной войны и ее рецепция французской дипломатией (1947–1949)**

Полноценное разворачивание холодной войны объективно сужало опции европейской политики Парижа. Согласно оценке французского политолога Р. Арона Ш. де Голль «не видел или не хотел видеть Европу такой, какой она вышла из бури, разделенной на две зоны противостоящих политических цивилизаций, а затем — на два военных блока; он почти всегда бранил блоковую политику, подобно тому, как это охотно делали советские представители». Однако, по мнению Р. Арона, даже Ш. де Голль (при гипотетическом сценарии

его дальнейшего пребывания у власти) «не смог бы до бесконечности возражать против образования Боннской республики», т.е. ФРГ<sup>55</sup>.

Московская сессия СМВД (10 марта — 24 апреля 1947 г.), наглядно продемонстрировавшая глубинные противоречия стран «большой тройки» по «германскому вопросу», а также стимулировавшая выдвигание Вашингтоном плана Маршалла, стала одним из водоразделов для европейской политики Франции [Barièty, 1994: 31]. Выступая 1 марта 1949 г. на заседании Совета Республики (верхняя палата Парламента Франции), Р. Шуман конструировал собственную хронологию холодной войны: «Восточный блок сформировался в 1947 г., после Московского провала<sup>56</sup> и до создания западного блока»<sup>57</sup>.

Для характеристики менявшегося настроения Кэ д'Орсэ примечательно сравнение того, как французские дипломаты реагировали на две знаковые речи — У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. и Г. Трумэна в Конгрессе США 12 марта 1947 г. Р. Массильи полагал, что элемент алармизма и драматизации, внесенный У. Черчиллем, был излишним и усугубил международную напряженность [Soutou, 1998: 278]. Реакция Ж. Шовеля на «доктрину Трумэна» была совсем другой. Генеральный секретарь Кэ д'Орсэ воспринял ее как сигнал решимости США противостоять СССР и стимул для подключения Франции к консенсусу западных держав [Soutou, 1998: 278]. Схожие настроения были характерны для Ж. Бидо накануне Московской сессии СМВД. В начале февраля 1947 г. он говорил Дж. Кэффри о разочаровании в прошлой голлистской политике и признавал, что «наша мечта о восстановлении могущества и славы в настоящее время кажется далекой от реальности» [цит. по: Hitchcock, 1998: 72].

Посол А. Бонне в телеграмме, отправленной из Вашингтона в Париж 18 апреля 1947 г., т.е. почти за два месяца до известной речи госсекретаря Дж. Маршалла от 5 июня, предупреждал Кэ д'Орсэ о разработке американской программы помощи Европе. А. Бонне рекомендовал подумать о «французских предложениях, нацеленных на интеграцию Германии в европейскую экономику», что позитивно

---

<sup>55</sup> Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. С. 253–254.

<sup>56</sup> Т.е. по итогам неудачной Московской сессии СМВД, выявившей фундаментальные противоречия между СССР и западными державами, прежде всего по «германскому вопросу».

<sup>57</sup> Цит. по: Chambrun de G. Y a-t-il une alternative à la politique étrangère de la France? // *Politique étrangère*. 1949. Vol. 14. No. 4. P. 351.

будет расценено в Вашингтоне<sup>58</sup>. Одним из результатов таких размышлений стал меморандум главы экономического управления МИД Франции Э. Альфана от 28 мая 1947 г. Дипломат полагал, что программа американской помощи будет напоминать ленд-лиз военного периода, а управлением ею займется орган, созданный на основе Европейской экономической комиссии ООН с участием США, СССР и Великобритании. С точки зрения Э. Альфана, Париж мог использовать американскую программу в целях экономической интеграции стран не только Западной, но также Центральной и Восточной Европы (без СССР и Великобритании) [Bossuat, 1999: 284–285].

Эти размышления имели отдельные точки пересечения с первой реакцией МИД СССР на план Маршалла (использование модели ленд-лиза, опора на органы ООН), хотя интеграционный проект в предложенном Э. Альфаном виде не встретил бы понимания в Москве<sup>59</sup>. О сохранении «посреднических инстинктов» французской дипломатии говорили и другие инициативы. Отметим две из них. Во-первых, выдвижение Ж. Бидо компромиссных предложений по обсуждавшемуся на Парижской сессии СМВД (15 июня — 12 июля 1946 г.) вопросу об итало-югославском разграничении в районе Триеста («французская линия» разграничения; в итоге она была принята советской делегацией)<sup>60</sup>. Во-вторых, попытки Ж. Бидо в июне 1947 г. хотя бы отчасти смягчить настрой министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина накануне трехсторонних переговоров в Париже с В.М. Молотовым (переговоры закончились неудачей и стали прологом советского отказа от плана Маршалла)<sup>61</sup>.

Объем помощи (субсидий и кредитов), предоставленной Франции в рамках плана Маршалла (в строгом смысле слова), составил в 1948–1951 г. 2,5 млрд долл. В целом же в период с декабря 1945 г. по июнь 1955 г. страна получила от США по различным гражданским и военным программам содействие на сумму 7,8 млрд долл. [Bossuat,

<sup>58</sup> DDF. 1947. Т. 1. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2007. P. 678–680.

<sup>59</sup> Директивы советской делегации на совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и Франции в Париже, 21 июня 1947 г. // Советско-британские отношения... С. 524–526.

<sup>60</sup> Из телеграммы Молотова Сталину, 13 декабря 1946 г. // Советско-британские отношения... С. 467.

<sup>61</sup> Cabinet Paper (47) 188, Memorandum by Bevin, 23 June 1947 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Office 129/19. Fol. 225.

1986: 19–20]. Для сравнения: ВВП Франции в 1948 г. оценивался в 17 млрд долл. [Histoire de France..., 1996: 123]. Как итог, Франция стала вторым (после Великобритании) бенефициаром плана Маршалла, получив «20% всей помощи, предоставленной США Европе, — вдвое больше того, что было дано Германии» [Обичкина, 2012: 38].

Ж. Монне и Р. Массильи находились в авангарде процесса по пересмотру европейской стратегии Франции. В июле–августе 1947 г. они убеждали Ж. Бидо в том, что время для французских попыток выступить арбитром между Востоком и Западом прошло. Их общий посыл состоял в необходимости присоединиться к базовой англо-американской позиции по восстановлению Западной Германии и пытаться влиять на эту позицию не «извне» (противопоставляя собственную точку зрения), а «изнутри». Как писал Р. Массильи в одном из личных писем Ж. Бидо: «Мы не сможем остановить англосаксов в их стремлении к промышленному восстановлению Рура». При сохранении независимой точки зрения «мы просто не сможем эффективно влиять на эти планы» [цит. по: Hitchcock, 1998: 80]. Исключение в мае 1947 г. членов ФКП из состава правительства «трехпартийной коалиции», находившегося у власти с 1944 г., снимало ключевую внутривнутриполитическую тормоз для реализации политики атлантической солидарности.

Знаковый, хотя и мало замеченный современниками характер имела речь Ж. Бидо в Национальном собрании (нижней палате Парламента Франции) 13 февраля 1948 г.: «Впервые министр иностранных дел Франции посвятил целую речь теме Европы» [Bézias, 2005: 118]. Более того, он намекнул на желательность не придания европейскому проекту антигерманского характера, а, напротив, включения Германии (фактически — Западной Германии) в его рамки. Речь стала прологом более известного выступления Ж. Бидо на встрече министров иностранных дел стран — участниц Брюссельского пакта 19 июля 1948 г., которая рассматривается в качестве одной из концептуальных основ для создания в мае 1949 г. Совета Европы [Bézias, 2005: 121]<sup>62</sup>.

На протяжении 1948 г. европейский вариант решения «германского вопроса» постепенно становился базовым для Парижа.

---

<sup>62</sup> Речь от 13 февраля 1948 г. см. в: Journal officiel de la République française. 1948. 13 février. P. 741–747. Речь от 19 июля 1948 г. см. в: DDF. 1948. T. 2. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2013. P. 109–111.

Р. Шуман заявил 31 августа: «...мы будем проводить такую политику в отношении соседа на востоке, которая, обеспечивая гарантии нашей безопасности, позволит ему развиваться на демократических началах и стать частью европейской структуры...» [цит. по: Duroselle, 1952: 514]. В записке от 5 сентября 1948 г., отправленной в МИД Франции, политический советник при генерале П. Кёниге Ж. Тарбе де Сент-Ардуен подчеркнул, что «закрепление европейского характера французской политики» является базой для «защиты наших фундаментальных интересов»: «Лишь представ страной, которая желает заложить основы для свободного европейского сообщества, мы сможем направить и ограничить развитие германского национализма. Немецкие националисты пытаются использовать советско-американскую вражду, дабы ликвидировать самые серьезные последствия их поражения [в войне]» [цит. по: Hitchcock, 1998: 102]. К апрелю 1949 г. такие опасения французских дипломатов лишь укрепились, а консул в Мюнхене Л. Келлер даже рисовал фантастический образ потенциального союза между немецкими националистами и СССР в случае войны и оккупации всей Германии Красной армией<sup>63</sup>.

Как свидетельствовали приведенные оценки Ж. Тарбе де Сент-Ардуена, французскую дипломатию крайне настораживал вариант, при котором США сделают ставку на перевооружение ФРГ. Однако ряд французских дипломатов понимали и другое: превращение их страны в сателлита США и Великобритании приведет к тому, что власти Западной Германии не будут считаться с Францией, решая интересующие их вопросы напрямую с США и/или СССР<sup>64</sup>. Таким образом, линия Ж. Бидо на встраивание в консенсус западных держав во главе с США вызывала определенные нарекания, хотя они и не привели к ее пересмотру.

Лондонская конференция (23 февраля — 6 марта, 20 апреля — 1 июня 1948 г.), собравшая представителей шести западных государств (США, Великобритании, Франции, стран Бенилюкса), зафиксировала отход французской дипломатии от ряда былых требований по «германскому вопросу». Ж. Бидо пошел на уступки англо-американцам, санкционировав формирование западногер-

<sup>63</sup> Keller à Tarbé de Saint-Hardouin, 22 avril 1949 // DDF. 1949. T. 1. P. 623–624.

<sup>64</sup> Note de la Direction d'Europe, 19 mai 1948 // DDF. 1948. T. 1. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2011. P. 780.

манского временного правительства, что фактически открывало путь к будущему созданию ФРГ. Параллельно принятые решения о формировании международного органа контроля над Руром и органа военной безопасности, которые были призваны следить за уровнем производства германской металлургии и угольной промышленности, отнюдь не всеми в Париже рассматривались как прочные гарантии безопасности [Hitchcock, 1997: 607–608]. В продолжение этой политики французская оккупационная зона в августе 1948 г. была присоединена к англо-американской Бизонии.

На заседаниях правительства 21 апреля и 5 мая 1948 г. Ж. Бидо стремился убедить коллег в том, что полученные им уступки являются максимумом, на который можно рассчитывать. С точки зрения министра, Франция должна была последовать за США и Великобританией, рискуя оказаться в изоляции и потерять хоть какую-то возможность влиять на позицию Вашингтона и Лондона<sup>65</sup>. Как свидетельствовал неподписанный меморандум МИД Франции середины октября 1948 г., т.е. после смены министра на Р. Шумана, имелось ощущение «коллапса наших позиций в Германии». Восстановление Западной Германии становилось, согласно тому же документу, «главной американской заботой» [цит. по: Hitchcock, 1998: 104]<sup>66</sup>. В начале 1950-х годов Ж.-Б. Дюрозель продолжал характеризовать итоги германской политики Ж. Бидо как «полупровал» и фиксировал сохранявшиеся в Париже опасения, что ФРГ заменит Францию в качестве «главного континентального союзника» США [Duroselle, 1952: 510, 513].

С точки зрения автора, данные опасения были несколько преувеличены. Вместе с тем они фиксировали фрустрацию французской дипломатии в связи с вынужденным отказом от жесткой позиции по «германскому вопросу» (пусть последняя и эволюционировала с конца 1945 г.). Отказавшись от прошлых амбициозных планов, Париж столкнулся с проблемой трансформации внешнеполитического «габитуса», иными словами, с необходимостью встроиться в «западный консенсус», не превратившись при этом в сателлита англосаксонских держав и не уступив ФРГ места ключевого союзника США в Европе. В 1948–1949 гг. всё более явно формировался

---

<sup>65</sup> Auriol V. *Journal du Septennat (1947–1954)*. Vol. 2. Paris: Armand Colin, 1974. P. 190–192, 213–215.

<sup>66</sup> Неподписанный меморандум середины октября 1948 г. см. в: AMAE. *Série Y-Internationale (1944–1949)* (76 CPCOM). Vol. 313.

и один из базовых ответов французской дипломатии на указанные вызовы — ставка на западноевропейскую интеграцию. Данный процесс, который Париж надеялся возглавить и направлять, был призван дать Франции дополнительные гарантии против возобновления германской агрессии, а также увеличить региональный и международный вес страны.

### **Место Франции в послевоенной системе международной и региональной безопасности**

Трансформации в германской политике Парижа были самым тесным образом увязаны с тем, как эволюционировали французские представления о «советской угрозе» и на какие механизмы выстраивания европейской безопасности делалась ставка.

Уже осенью 1945 г. наблюдались симптомы того, что концепция «трех этажей» безопасности, а также советско-французский договор становятся для руководства Франции всё менее релевантными. К 20-м числам октября в Генштабе французских ВС имелись предварительные разработки по заключению военного договора между Францией, США и Великобританией, а также проекты по созданию системы объединенного командования силами в Западной Европе с привлечением 450 тыс. американских солдат [Soutou, 2008: 179]. Ожидание ухода войск США из Европы сменилось идеей опереться на американские контингенты. На смену восприятию СССР как ключевого союзника на случай противостояния с Германией приходило педалирование «советской угрозы».

Растущая нерелевантность советско-французского договора требовала, с точки зрения Парижа, заключения альянсов с Великобританией и США. 27 апреля 1945 г., обсуждая с британским послом А. Дафф-Купером перспективу договора о взаимопомощи с Лондоном, Ш. де Голль сделал акцент на том, что такой шаг требует предварительного согласования внешнеполитических курсов: «...нам необходимо договориться о вопросах, которые нас разъединяют. Только после этого станет возможным заключение желаемого союза»<sup>67</sup>. Отставка Ш. де Голля и постепенный отход Парижа от былой линии по «германскому вопросу» способствовали сближению с Великобританией. Оно выразилось в заключении Дюнкеркского

<sup>67</sup> Голль де Ш. Указ. соч. С. 564.

договора о взаимопомощи 4 марта 1947 г., всё еще подразумевавшего Германию ключевым противником<sup>68</sup>.

Ни в Лондоне, ни в Париже не питали иллюзий по поводу собственно военного, а не политико-дипломатического значения этого соглашения. Глава Генштаба французской армии генерал Ж. Ревер, предпринявший секретную поездку в Великобританию в конце января 1948 г., пришел к выводу, что никакие военные соглашения между двумя странами не имеют смысла без получения ими американских гарантий безопасности [Bossuat, 1990: 6]. Прологом для таких гарантий, направленных уже больше не против Германии, а против Советского Союза, стал Брюссельский пакт, заключенный 17 марта 1948 г. и сформировавший Западный союз в составе Великобритании, Франции и стран Бенилюкса<sup>69</sup>.

Информированные французские современники, как, например, вашингтонский корреспондент газеты «Le Monde» М. Ферро, признавали, что государства, заключившие Брюссельский пакт, не верили в его действенность с военной точки зрения. Скорее они намеревались показать США, что «морально готовы к отражению любого вида агрессии»<sup>70</sup>. Аналогичными были и закрытые (секретные) оценки МИД Франции<sup>71</sup>. Брюссельский договор 1948 г. оставался «бумажным пактом» — эта характеристика, с точки зрения М. Ферро, была вполне применима и к НАТО в первые годы существования альянса<sup>72</sup>.

Введение советской сухопутной блокады Западного Берлина 24 июня 1948 г. — своего рода ответ Москвы на план Маршалла и ускорение процесса по формированию ФРГ — запустило первый Берлинский кризис. Его воздействие на французскую стратегию

---

<sup>68</sup> Treaty of Alliance and Mutual Assistance. Signed at Dunkirk, on 4 March 1947 // Treaty series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 9: 1947. New York: United Nations, 1947. P. 187–195. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%209/v9.pdf> (accessed: 05.03.2025).

<sup>69</sup> Treaty for collaboration in economic, social and cultural matters and for collective self-defence. Signed at Brussels, on 17 March 1948 // Treaty series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 19: 1948. New York: United Nations, 1948. P. 51–63. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%2019/v19.pdf> (accessed: 05.03.2025).

<sup>70</sup> Ferro M. France today // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1952. Vol. 282. No. 1. P. 43.

<sup>71</sup> Note du Secrétariat général pour Schuman, 4 septembre 1948 // DDF. 1948. P. 341.

<sup>72</sup> Ferro M. Op. cit. P. 43.

не было однозначным. С одной стороны, первый крупный кризис холодной войны в Европе усилил солидарность западных стран и активизировал процесс по созданию НАТО. Официальные переговоры по данному вопросу стартовали в Вашингтоне 6 июля 1948 г., при этом Франция оказалась исключена из более ранней стадии обсуждения (22 марта — 1 апреля), проходившей в трехстороннем формате (США, Великобритания, Канада). С другой стороны, Париж стремился сохранить некоторую специфику собственной позиции и обеспечить максимальную защиту своих интересов в рамках формировавшегося альянса.

В условиях Берлинского кризиса французское восприятие «советской угрозы» обострилось, активизировались разработки на случай войны против СССР. Один из примеров — депеша посла Франции в СССР И. Шатеньо от 20 ноября 1948 г. Посол размышлял о военном потенциале и стратегии Советского Союза, а также наметил варианты противодействия Москве. С его точки зрения, южный фланг СССР (от Кавказа и Закавказья до Центральной Азии), где находились важные источники сырья и производственные мощности, был наиболее уязвим для англо-американских стратегических бомбардировок. Эти действия планировалось дополнить мерами политической и психологической войны, направленными на советских граждан-мусульман с целью ослабить их лояльность центральной власти<sup>73</sup>. В период Берлинского кризиса И. Шатеньо плотно взаимодействовал с послами США и Великобритании в Москве, предпринимая совместные демарши перед И.В. Сталиным и МИД СССР<sup>74</sup>.

Однако события Берлинского кризиса, упрочив солидарность Франции с англо-американцами, выявили определенные расхождения в позициях западных стран. Уже 24 июня 1948 г. на страницах дневника президент Франции В. Ориоль (партия СФИО) дал волю своему недовольству в отношении непримиримой позиции, которую заняли в «берлинском вопросе» США. Он полагал, что не стоило прерывать переговоры в Союзном контрольном совете по Германии, и опасался того, что официальная позиция Москвы по созданию единого германского государства приведет к тому, что симпатии немцев окажутся на стороне Советского Союза: «Мы толкаем Гер-

<sup>73</sup> DDF. 1948. Т. 2. P. 797–806.

<sup>74</sup> Запись беседы Сталина со Смитом, Робертсом и Шатеньо, 2 августа 1948 г. // Советско-американские отношения, 1945–1948. М.: МФД, 2004. С. 600–611.

манию в сторону СССР», — полагал В. Ориоль<sup>75</sup>. Схожими были оценки Ж. Бидо за несколько дней до начала Берлинского кризиса<sup>76</sup>.

Мысль о том, что действия американцев радикальны и могут привести к столкновению с СССР при невыгодном для западных стран соотношении сил в Европе, была характерна даже для Р. Массильи и Ж. Шовеля, которые ранее акцентировали «советскую угрозу» [Sou-tou, 1998: 282]. Вместе с тем французскую дипломатию настораживала и противоположная опция — возможная советско-американская договоренность тет-а-тет по разрешению кризиса, которая поставит европейцев перед свершившимся фактом [Buffet, 1991: 129–140]. Важным обстоятельством, усиливавшим французский алармизм, было то, что в первые месяцы кризиса (до августа 1948 г.) многие деятели в Париже — от Ж. Бидо до главы политического управления МИД Франции М. Кув де Мюрвиля и французских военных — не верили в эффективность «воздушного моста», по которому осуществлялось снабжение Западного Берлина [Наринский, 2011: 167; Variété, 1994: 35, 37].

Специфика французской позиции сказывалась также в период основных переговоров по созданию НАТО в июле 1948 г. — марте 1949 г. Изначальный замысел Ж. Бидо, сформировавшийся к марту 1948 г., состоял в попытке получить американские гарантии для стран Брюссельского пакта. Среди прочего такой формат обеспечивал лидерство трех стран — США, Великобритании, Франции. Предполагаемую военно-политическую конструкцию планировалось дополнить пактами преимущественно дипломатического (а не военного) характера, в том числе Средиземноморским пактом (с дополнительным участием Италии, Турции и Греции) [Béziás, 2005: 117–118].

Однако ход переговоров в Вашингтоне летом 1948 г. продемонстрировал французским дипломатам, что американская сторона не пойдет на такой вариант: «...Брюссельский пакт был слишком узкой и слишком европейской рамкой, чтобы США присоединились к нему...»<sup>77</sup>. Более того, за основу будущей НАТО американская сторона рассчитывала взять не Брюссельский пакт, предполагавший де-юре твердые обязательства, а менее обязывающие формулировки «пакта Рио» — Межамериканского договора о взаимопомощи от

---

<sup>75</sup> Auriol V. Op. cit. P. 282–283.

<sup>76</sup> Bidault à Massigli, 5 juin 1948 // DDF. 1948. T. 1. P. 862–863.

<sup>77</sup> Note du Secrétariat général pour Schuman, 4 septembre 1948 // DDF. 1948. T. 2. P. 341.

2 сентября 1947 г. Эта позиция не устраивала Париж, настаивавший на максимально жестких формулировках Североатлантического пакта<sup>78</sup>.

Французская точка зрения на переговорах по созданию НАТО наследовала ряду идей, сформулированных ранее французской дипломатией. Сохранялась официальная интенция не превращаться в сателлита США, что отразилось в тезисе о формировании в структуре альянса своеобразного директората — трехстороннего Комитета обороны в составе представителей от США, Великобритании и Франции. Посол А. Бонне сообщил об этом американцам 3 января 1949 г., однако добиться полноценной реализации этого проекта так и не удалось [Фалалеев, 2019: 119]. Нельзя исключать и того, что в этом предложении просматривалась не столько претензия на реальное равенство прав с США, сколько желание «быть первой державой в Западной Европе наравне с Великобританией» [Ratti, 2014: 367] и не допустить привилегированного диалога «на двоих» между Вашингтоном и Лондоном. Уже существовавшие идеи о Средиземноморском пакте отразились в стремлении французской дипломатии насколько возможно расширить сферу ответственности НАТО в Средиземноморье, что среди прочего было важно для позиций Франции в Алжире. Эта интенция проявилась в том, что Париж благожелательно отнесся к вступлению в НАТО Италии (консенсуса по этому вопросу во время вашингтонских переговоров не было)<sup>79</sup>.

Еще до учреждения НАТО стали заметны некоторые симптомы будущих противоречий стран-участниц. Французские дипломаты и военные настаивали на том, что укрепление военной мощи европейских членов альянса не может быть реализовано без американской помощи [La puissance française en question..., 1988: 318]. Однако в Вашингтоне подчеркивали, что такая помощь может быть предоставлена только в том случае, если сами европейские страны, в том числе Франция, приложат усилия в этом направлении и будут координировать свои действия<sup>80</sup>. Стороны спорили о том, какую часть «бремени» безопасности переложить друг на друга.

Таким образом, участие Франции в западных военно-политических блоках — Западном союзе и НАТО — стало практическим выражением той концептуальной перестройки внешнеполитическо-

---

<sup>78</sup> Ibid. P. 343.

<sup>79</sup> Ibid. P. 344.

<sup>80</sup> Note de Alphanand pour Auriol, 26 février 1949 // DDF. 1949. T. 1. P. 341.

го «габитуса», которая особенно активно шла с 1947 г. Нарастание французских опасений по поводу «советской угрозы» сочеталось с осознанием ограниченности собственных средств по противодействию СССР. Зависимость Парижа от американских гарантий безопасности, как и от финансовой помощи, была особенно заметна.

Уже на этапе формирования НАТО можно было наблюдать немаловажное противоречие. Стремление французского руководства сохранить внешнеполитическую самостоятельность и не превращаться в сателлита Вашингтона вступало в конфликт с потребностями Четвертой республики в военно-политических гарантиях, военно-технической помощи и кредитах от США. Поиск баланса между этими компонентами внешнеполитического «габитуса» Франции периода холодной войны оставался трудной задачей для Парижа и в дальнейшем.

**Тень величия: «старое» и «новое»  
в восприятии международного статуса Франции  
ее государственными деятелями и дипломатами**

Идея «величия» Франции, прочно ассоциируемая с Ш. де Голлем, имела весьма широкое распространение во французских дипломатических и военных кругах. Унизительный опыт поражения в 1940 г. усиливал стремление восстановить великодержавный статус страны.

Как подчеркивал М. Дежан в записке от 1 декабря 1944 г., для Франции проблема безопасности в значительной степени сводилась к двум вопросам: «быстрое восстановление вооруженных сил» и «ликвидация германской угрозы»<sup>81</sup>. С наращиванием военной мощи наблюдались определенные сложности. В декабре 1944 г. на переговорах с советскими визави в Москве начальник Генштаба французской армии генерал А. Жуэн сообщил о наличии в Европе восьми французских дивизий. По меркам Второй мировой войны это было очень скромным числом (к тому же эти дивизии были вооружены прежде всего американцами) [Магадеев, 2020: 344]. К концу войны французские вооруженные силы насчитывали около 1,2 млн человек, что свидетельствовало об их численном росте. Всё же эта цифра значительно уступала аналогичному показателю даже слабейшей в составе «большой тройки» Великобритании (около 5 млн человек) [Milward, 1979: 216]. Ш. де Голль и Ж. Бидо, болезненно от-

---

<sup>81</sup> АМАЕ. 288 ПААР. Vol. 75. Fol. 220. См. также: DDF. 1944. Т. 2. Р. 343.

носившиеся к любым намекам на меньший вклад Франции в победу, внимательно реагировали на позитивные упоминания о возрастающей мощи их страны. Так, Ж. Бидо, как видно из документов его личного фонда, подчеркнул соответствующие пассажи советской прессы, которые Р. Гарро привел в послании от 24 октября 1944 г. из Москвы<sup>82</sup>.

Для французского руководства было очевидно, что укрепление ВС невозможно без восстановления и увеличения экономической мощи. Ж. Монне особенно внимательно относился к увязке между этими компонентами [Europe brisée..., 1994: 202]. В записке от 24 августа 1945 г., составленной в период американского визита Ш. де Голля и переговоров по выделению Франции кредита, Ж. Монне отметил: «На будущее нам необходимы дополнительные займы, которые позволят приобрести оборудование в Соединенных Штатах для модернизации нашей промышленности. Так Франция сможет стать первой индустриальной державой Западной Европы» [цит. по: Margairaz, 1982: 439–440].

В этой мысли заметны два компонента, которые были характерны для логики Ж. Монне и его сподвижников. С одной стороны, они подчеркивали необходимость внешнего (прежде всего американского) содействия для восстановления и расширения французских производственных мощностей. Это неизбежно предполагало усиление влияния США на внешнюю политику и внутривнутриполитическую жизнь Франции. С другой стороны, Ж. Монне был нацелен использовать «внешний фактор» для укрепления французских позиций, что в перспективе должно было обеспечить Франции большую самостоятельность. Ж. Бидо был солидарен с ним в этом вопросе, отмечая в циркулярной телеграмме французским послам от 27 июня 1945 г., что Париж нацелен сделать Францию производителем стали № 1 в Европе [Hüser, 1996a: 63]. В отличие от ситуации после Первой мировой войны, в Париже не возлагали масштабных надежд на немецкие репарации [Margairaz, 1982: 447; Hüser, 1996a: 63], хотя Ш. де Голль подчеркивал их роль (например, в обеспечении Франции дефицитным углем)<sup>83</sup>.

План Монне — французский план восстановления национальной экономики, утвержденный в январе 1947 г., — и план Маршалла были

---

<sup>82</sup> AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>83</sup> Голль де Ш. Указ. соч. С. 617.

неразрывно связаны друг с другом, являясь «двумя сторонами одной монеты» (не говоря уже об определенной роли Ж. Монне в лоббировании тех идей, которые в итоге были озвучены Дж. Маршаллом) [Margairaz, 1982; Ciarpi, 2023]. Как отметил в записке от 30 июля 1948 г. советник Э. Альфана О. Вормсер, Франция могла воспользоваться планом Маршалла с целью «предпринять долгосрочные шаги по наращиванию и модернизации своего промышленного производства, обновлению технических фондов» [цит. по: Bossuat, 1986: 20]. Амбициозность целей соседствовала с осознанием ограниченности ресурсов. На Кэ д'Орсэ, как свидетельствовал неподписанный меморандум середины октября 1948 г., понимали, что Франции «трудно на равных конкурировать с Германией в экономическом отношении. Она уже производит столько же стали, как и мы, а в будущем будет производить больше...» [цит. по: Hitchcock, 1998: 104].

Страх перед экономическим потенциалом ФРГ соседствовал с опасением советской военной мощи. На заседании 27 ноября 1948 г. Комитет национальной обороны (узкий состав французского правительства во главе с президентом) в качестве первой цели ВС страны определил следующее: «Обеспечить вместе с союзниками прикрытие линии по Рейну» [цит. по: *La puissance française en question...*, 1988: 329]. Однако у самих французских военных существовали большие сомнения, что французские ВС смогут реализовать такие задачи. Хотя численность армии на 31 декабря 1947 г. казалась весьма внушительной (708 500 человек), стоит учитывать серьезную долю призывников (289 200 человек), а также отвлечение весомой части ВС (161 800 человек) на неевропейские нужды<sup>84</sup>.

Согласно оценке Генштаба ВС Франции от 1 сентября 1947 г. первая фаза войны в Европе в условиях конвенционального превосходства Красной армии неизбежно состояла бы из отступления и выигрыша времени для последующего перехода в контрнаступление. Как свидетельствовала стенограмма заседания военного комитета от 16 апреля 1948 г., входившие в него начальники штабов видов ВС основывали свою позицию на том, что в случае войны против СССР порты Франции будут доступны в течение 10–15 дней, а затем могут быть захвачены [*La puissance française en question...*, 1988:

---

<sup>84</sup> Rapport par Lejeune, 9 décembre 1947 // *Annales de l'Assemblée nationale. Documents parlementaires. Session de 1947.* Paris: Imprimerie des Journaux officiels, 1948. P. 2210.

327–328]. Даже среди союзников репутация французской армии была не лучшей. Начальник Генштаба британской армии фельд-маршал Б. Монтгомери в записке от 23 декабря 1947 г. отмечал, что «французская армия находится в очень плохом состоянии» [цит. по: Dockrill, 1990: 62].

Появление атомного оружия влияло на процесс развития французских ВС, однако реальное значение «ядерного фактора» в рассматриваемый период не стоит преувеличивать. Согласно свидетельству журналиста П. Пеана уже во время встречи с французскими физиками-ядерщиками, задействованными в «Манхэттенском проекте» (состоялась 11 июля 1944 г. в Оттаве), Ш. де Голль осознал колоссальную военно-политическую роль вопросов, связанных с применением ядерной энергии. Потенциально речь шла о возникновении новой иерархии государств: тех, кто имеет атомное оружие, и тех, кто им не обладает [Pinkus, 2002: 105]. Подобные соображения, если говорить о конце Второй мировой войны и первых послевоенных годах, не стоит гипертрофировать: масштаб последствий, связанных с появлением атомного оружия, был осознан постепенно [Вторая мировая война..., 2020: 788–802]. Реакция французской дипломатии на американские бомбардировки Хиросимы отличалась спокойствием: Р. Массильи подчеркивал, что базовые научные принципы, лежавшие в основе ядерного оружия, хорошо известны французским ученым во главе с Ф. Жолио-Кюри<sup>85</sup>.

Резоны возможного использования ядерной энергии в военных целях учитывались Ш. де Голлем при создании в октябре 1945 г. Комиссариата по атомной энергии, однако приоритетом тогда было экономическое восстановление страны [Mongin, 1993: 14]. Но нельзя было согласиться и с противоположным тезисом о том, что Париж «не имеет намерения производить атомные бомбы». Такая мысль встречалась на страницах близкого к МИД Франции журнала «Politique étrangère»<sup>86</sup>.

Реакция французской дипломатии на испытание советской атомной бомбы, информацию о котором в сентябре 1949 г. сделал публичной Г. Трумэн, также была сдержанной. Посол А. Бонне фиксировал удивление Госдепартамента в связи с неожиданно быстрыми сроками создания атомной бомбы в СССР (он критиковал «почти полное

---

<sup>85</sup> Massigli à Bidault, 7 août 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 234–235.

<sup>86</sup> Chambrun de G. Op. cit. P. 361.

незнание» американцев о советских атомных проектах раньше)<sup>87</sup>. Однако французский дипломат не считал, что испытание приведет к радикальному изменению советской политики Вашингтона. С одной стороны, «СССР не располагал запасами атомных бомб», что стимулировало не преувеличивать советскую мощь, с другой стороны, А. Бонне не верил в то, что «весьма немногочисленные сторонники превентивной войны» США против Советского Союза смогут реализовать свои замыслы<sup>88</sup>.

Французский опыт в годы Второй мировой войны усилил уже имевшийся стратегический расчет — попытаться использовать различные ресурсы колоний для укрепления собственного влияния на приоритетных направлениях внешней политики, в первую очередь в Европе [Вторая мировая война..., 2020: 259]. Ш. де Голль считал нелишним напоминать о «106 миллионах людей, мирно существующих под французским флагом»<sup>89</sup>. Посыл был ясен: Париж говорит от лица не только Франции-метрополии, но и более масштабного и могущественного образования. Как было отмечено в записке Кэ д'Орсэ от 1 марта 1945 г., «сообщество французских интересов, представленных по всему миру, является таким же неделимым блоком, как американский блок, британский блок и даже советский блок...» [Pearson, 2020: 44]. В 1950-е годы Ж.-Б. Дюрозель продолжал описывать заморские территории Франции как «надежду и будущее французской мощи» [Duroselle, 1954: 437].

Однако в первые послевоенные годы ситуация скорее была обратной: бывшие колонии не подкрепляли политику Парижа в Европе, а забирали дефицитные ресурсы, прежде всего в контексте войны в Индокитае (к 1949 г. там было задействовано около 115 тыс. военнослужащих французских ВС<sup>90</sup>). Как подчеркивал французский историк Ж. Барьети, в 1947–1949 гг. «война в Индокитае была для французских правительств одной из ключевых проблем. Они не забывали о ней, даже определяя свою политику в “германском вопросе”» [Barièty, 1994: 30].

<sup>87</sup> Bonnet à Schuman, 28 janvier 1949 // DDF. 1949. T. 1. P. 175.

<sup>88</sup> Bonnet à Schuman, 23 septembre 1949 // DDF. 1949. T. 2. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2014. P. 318–319.

<sup>89</sup> Allocution de Gaulle, 5 février 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

<sup>90</sup> Projet de loi portant fixation du budget des dépenses militaires pour l'exercice 1949, 30 mars 1949 // Annales de l'Assemblée nationale. Documents parlementaires. Session de 1949. Paris: Imprimerie des Journaux officiels, 1951. P. 583.

Процессы сокращения французского военно-политического влияния наглядно проявились и в Центрально-Восточной Европе. Этот региональный пример также демонстрировал сложности, которые французская дипломатия испытывала при концептуальной адаптации к изменениям, иными словами, при трансформации внешнеполитического «габитуса». Остановимся подробнее на Чехословакии как показательном страновом случае.

Летом 1945 г. во французской дипломатической миссии в Праге весьма оптимистично смотрели на перспективы восстановления французского влияния в стране. В донесении от 9 июня, признавая «серьезное ослабление» французских позиций, поверенный в делах Франции Л. Келлер, тем не менее, верил в будущее: «Если в политическом отношении в настоящее время русской мощи ничего нельзя противопоставить, то в эмоциональном и интеллектуальном отношениях ситуация обстоит иначе. С этой точки зрения наше влияние несколько не сократилось, а, напротив, увеличилось»<sup>91</sup>. Президент Чехословакии Э. Бенеш, подчеркивавший приоритетную ориентацию Праги на Москву и отнюдь не забывший Мюнхенского унижения своей страны, всё же стимулировал Париж развивать контакты, начиная с культурно-интеллектуальной сферы<sup>92</sup>.

В феврале 1946 — ноябре 1947 г. между представителями двух государств велись переговоры о заключении договора о взаимопомощи, который рассматривался преимущественно чехословацкой, но также французской дипломатией как своеобразный мост между востоком и западом Европы. Такой альянс, дополнявший договор Парижа с Москвой, соответствовал линии Ж. Бидо на реализацию функции посредничества между СССР и его союзниками, с одной стороны, и англосаксонскими державами — с другой. Однако переговоры не привели к результату, став своеобразной жертвой холодной войны. На встрече с чехословацкой делегацией, которая состоялась 2 августа 1947 г. в Париже, Ж. Бидо заблокировал предложения Праги о включении в обсуждавшийся договор пункта о взаимопомощи на случай агрессии не только Германии, но и ее потенциальных союзников. Министр иностранных дел Франции выступил против идеи о том, что соглашение с Чехословакией станет своего рода «расши-

---

<sup>91</sup> Keller à Bidault, 9 juin 1945 // DDF. 1945. T. 1. P. 759.

<sup>92</sup> De Catroux, 2 avril 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82; Keller à Bidault, 5 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 35.

рением франко-советского договора», и даже открыто говорил, что «Франция в настоящее время находится в противостоянии с СССР» [цит. по: Fejtö, 1976: 9].

Месяцем ранее, в июле 1947 г., М. Дежан, характеризуя реакцию Праги на приглашение присоединиться к плану Маршалла, описывал ситуацию оптимистично. Он полагал, что точка зрения министра иностранных дел Я. Масарика и его сторонников, видевших в Чехословакии «элемент великой демократической цепи, связывающей мир», а также поддерживавших присоединение страны к плану Маршалла, возобладала<sup>93</sup>. Однако настрой сотрудников Восточно-европейского департамента Кэ д'Орсэ был пессимистичным. Там еще в июле 1946 г. фиксировали «растущую ориентацию внешней политики Чехословакии на Москву, а внутренней политики — на утверждение коммунизма». Французские аналитики не исключали того, что после смерти Э. Бенеша «Чехословакия де-факто станет n-й советской социалистической республикой»<sup>94</sup>.

Приход коммунистов к власти в Чехословакии в феврале 1948 г. произвел сильное впечатление на французскую дипломатию. Пример М. Дежана — бывшего сторонника тесного советско-французского альянса, наблюдавшего за ситуацией из Праги в качестве посла — наглядно говорил о трансформации французских оценок. В донесении от 12 марта, отправленном в Париж, М. Дежан увидел в чехословацких событиях отказ СССР от попыток сотрудничества со странами Запада и подготовку к «возможному, если не близкому» вооруженному конфликту<sup>95</sup>.

Можно констатировать, что установка на возвращение «величия», разделяемая не только Ш. де Голлем, но и более широким кругом людей во французском политическом руководстве, дипломатии и военной среде, вступала в определенное противоречие с реальным положением Франции в первые послевоенные годы. Боеспособность французских ВС оставалась на весьма низком уровне, а процесс экономического восстановления страны лишь начался. Попытки Парижа сохранить существенное влияние в Чехословакии в 1946–1947 гг. были примером «гистерезиса габитуса», а провал подобных попыток свидетельствовал о процессе болезненной адаптации к реалиям

---

<sup>93</sup> Dejean à Bidault, 9 juillet 1947 // DDF. 1947. T. 2. P. 108.

<sup>94</sup> Note de la Sous-direction de l'Europe orientale, 18 juillet 1946 // DDF. 1946. T. 2. P. 92.

<sup>95</sup> Dejean à Bidault, 12 mars 1948 // DDF. 1948. T. 1. P. 386–387.

холодной войны и советскому доминированию в Центрально-Восточной Европе.

\* \* \*

Таким образом, французские дипломатические и стратегические оценки того, как будет выглядеть архитектура военно-политических отношений в Европе по итогам Второй мировой войны претерпели в 1943–1949 гг. целый ряд фундаментальных изменений. Ставка на альянс с Москвой и приоритет недопущения новой германской агрессии, характерные для настроений в 1943–1944 гг., сменил другой курс, становившийся всё более заметным на протяжении 1947–1948 гг. Его ключевыми элементами стали атлантическая солидарность и расчет на сохранение американских войск в Европе; заключение альянсов, имевших преимущественно антисоветскую направленность, с Великобританией и США; политика по примирению с Западной Германией в рамках европейского проекта. Создание НАТО и учреждение ФРГ были кульминацией этого процесса. Однако, как свидетельствовали переговоры по учреждению Североатлантического альянса, Париж стремился сохранить специфику собственной позиции. Полностью не исчезли и опасения по поводу «германской угрозы».

Императив восстановления французской мощи и возвращения «величия» оставался в 1943–1949 гг. константой. Его разделял отнюдь не только Ш. де Голль, хотя именно он и его сторонники готовы были осуществлять более независимый от Вашингтона и Лондона внешнеполитический курс (прежде всего по «германскому вопросу»). Однако в процессе возвращения часто иллюзорного «величия» всё более очевидно также сказывался «американский фактор»: от поставок вооружений и выделения кредитов до предоставления гарантий безопасности в рамках НАТО. Вместе с тем французские политики от Ш. де Голля до Ж. Монне, личные отношения между которыми были весьма напряженными, не планировали делать Францию сателлитом США и рассчитывали использовать внешнее содействие для последующего укрепления голоса Парижа в Европе и мире.

Указанные процессы можно трактовать как перестройку внешнеполитического «габитуса» Франции под влиянием общей трансформации международных отношений в 1943–1949 гг. Эта перестройка, нередко протекавшая болезненно (особенно в контексте постепенного ухода из бывших колоний), не означала полного отказа от некоторых стратегических установок прошлого.

Эффект «гистерезиса габитуса» проявлялся как в общей идее о возвращении «величия» Франции, так и в конкретных позициях Парижа по некоторым международным вопросам. В ряде случаев французское руководство вынуждено было отказаться от своих изначальных планов (например, по резкому ослаблению Германии или восстановлению своих позиций в Чехословакии), которые не вписывались в логику нарастающей холодной войны. Однако стремление восстановить «величие» страны оказалось более долговременным обстоятельством. Следы его проявления можно было найти как в попытках занять привилегированное положение в рамках западного блока в 1949 г., так и во внешнеполитических действиях Ш. де Голля в 1960-е годы. Нередко подобные попытки воспринимались лидерами сверхдержав как не соответствовавшие реальным возможностям Франции. Вместе с тем такая установка, подразумевавшая реализацию амбициозных целей (пусть последние удавалось достичь отнюдь не всегда), оставалась важным компонентом как собственной внешнеполитической идентичности, так и позиционирования страны на международной арене.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзаканян М.Ц. Великий де Голль. «Франция — это я!» М.: Яуза; Эксмо, 2012.
2. Белоусов Л.С., Манькин А.С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 97–117.
3. Болдырева О.М. Жан Монне. У истоков единой Европы. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2008.
4. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
5. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2020.
6. Канинская Г.Н. Колониальные войны в Индокитае и Алжире и французское общество // Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 3: Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века / Сост. О.А. Ржешевский. М.: Наука, 2008. С. 132–175.
7. Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М.: Наука, 1999.
8. Магадеев И.Э. Французский вектор внешней политики СССР (февраль 1943 г. — февраль 1945 г.) // История Великой Победы: В 3 т. Т. 3. Война

и дипломатия / Под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 285–370.

9. Наринский М.М. Берлинский кризис 1948–1949 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 162–172. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-1-16-162-172.

10. Наумова Н.Н. Разработка европейской идеи в рамках французского движения Сопротивления // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг.: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.П. Карпов, И.И. Тучков. М.: Издатель Степаненко, 2015. С. 320–326.

11. Наумова Н.Н., Фалалеев П.И. Европейская идея во Франции в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 18–33.

12. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012.

13. Суту Ж.-А. «Свободная Франция» и место СССР в европейской системе // СССР и Франция в годы Второй мировой войны / Отв. ред. М.М. Наринский. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 154–181.

14. Фалалеев П.И. Внешняя политика Французского комитета национального освобождения и Временного правительства Французской Республики (1943–1946 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016.

15. Фалалеев П.И. План Маршалла и западноевропейская интеграция: эволюция позиций Великобритании и Франции (1947–1948) // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 3. С. 165–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-165-190.

16. Фалалеев П.И. Позиция Франции по вопросу образования Североатлантического альянса — НАТО // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 109–127. DOI: 10.31857/S013038640005855-8.

17. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции: кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. М.: Наука, 1985.

18. Шмелев Д.В. Жорж Бидо: интеллектуал, политик, дипломат (штрихи к биографии) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1 / Гл. ред. М.Х. Салахов. Казань: Казанский государственный университет, 2010. С. 262–273.

19. Allard M. La France face à la soviétisation de l'Europe de l'Est: le cas tchécoslovaque (1944–1948) // Relations internationales et stratégie: De la guerre froide à la guerre contre le terrorisme / Dir. by F. Bozo. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2005. P. 13–28.

20. Bariéty J. La France et la crise internationale du blocus de Berlin // Histoire, économie et société. 1994. Vol. 13. No. 1. P. 29–44.

21. Bézias J.-R. Georges Bidault et la politique étrangère de la France. États-Unis, Europe, Proche-Orient, 1944–1948. Paris: Harmattan, 2006.

22. Bézias J.-R. Prélude au Conseil de l'Europe: la déclaration de Georges Bidault à La Haye (19 juillet 1948) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2005. No. 220. P. 115–128. DOI: 10.3917/gmcc.220.0115.

23. Bossuat G. Aux origines du Plan Marshall // *Histoire, économie et société*. 1999. Vol. 18. No. 2. P. 275–296.

24. Bossuat G. L'aide américaine à la France après la Seconde guerre mondiale // *Vingtième siècle*. 1986. No. 9. P. 17–36.

25. Bossuat G. Le rêve français d'une Europe franco-britannique // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1990. No. 18. P. 3–11. DOI: 10.3406/mat.1990.401609.

26. Bossuat G. L'Europe des Français, 1943–1959: La IVe République aux sources de l'Europe communautaire. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1997.

27. Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Paris: Flammarion, 2019.

28. Buffet C. Mourir pour Berlin: La France et l'Allemagne, 1945–1949. Paris: Armand Collin, 1991.

29. Ciappi E. A Reappraisal of the origins of European integration: From wartime planning to the Schuman plan // *Journal of Contemporary History*. 2023. Vol. 58. No. 4. P. 676–696. DOI: 10.1177/00220094231200453.

30. Ciappi E. Transatlantic relations and public diplomacy: The Council on Foreign Relations, Jean Monnet, and Post-WWII France and Europe // *History of European Ideas*. 2022. Vol. 48. No. 6. P. 848–864. DOI: 10.1080/01916599.2021.2009363.

31. Creswell M., Trachtenberg M. France and the German question, 1945–1955 // *Journal of Cold War Studies*. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 5–28. DOI: 10.1162/152039703322286746.

32. Davieau-Pousset S. Maurice Dejean, diplomate atypique // *Relations internationales*. 2015. No. 162. P. 79–94. DOI: 10.3917/ri.162.0079.

33. Dockrill M. British attitudes towards France as a military ally // *Diplomacy & Statecraft*. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.

34. Doise J., Vaisse M. Diplomatie et outil militaire: Politique étrangère de la France, 1871–2015. Paris: Points, 2015.

35. Duroselle J.B. The crisis in French foreign policy // *The Review of Politics*. 1954. Vol. 16. No. 4. P. 412–437.

36. Duroselle J.B. German-Franco relations since 1945 // *The Review of Politics*. 1952. Vol. 14. No. 4. P. 501–519.

37. Duroselle J.B. The turning point in French politics: 1947 // *The Review of Politics*. 1951. Vol. 13. No. 3. P. 302–328.

38. Europe brisée, Europe retrouvée: nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XXe siècle / Dir. by G. Bossuat, R. Girault. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1994.

39. Fejtö F. Un pont qui n'a pu être construit: le projet de traité franco-tchécoslovaque // *Politique étrangère*. 1976. Vol. 41. No. 1. P. 5–11.

40. France and the German question, 1945–1990 / Ed. by F. Bozo, Ch. Wenkel. New York: Berghahn Books, 2019.

41. Heyde V. De l'esprit de la Résistance jusqu'à l'idée de l'Europe: Projets européens et américains pour l'Europe de l'après-guerre (1940–1950). Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2010.

42. Histoire de France, 1750–1995. In 2 vols. Vol. 2: Société, culture / Dir. by R. Souriac. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 1996.

43. Hitchcock W.I. France restored: Cold War diplomacy and the quest for leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1998.

44. Hitchcock W.I. France, the Western alliance, and the origins of the Schuman plan // *Diplomatic History*. 1997. Vol. 21. No. 4. P. 603–630.

45. Hudemann R. Le général Kœnig commandant en chef français en Allemagne (1945–1949) // *Revue historique des Armées*. 2002. No. 227. P. 85–94.

46. Hüser D. Charles de Gaulle, Georges Bidault, Robert Schuman et l'Allemagne 1944–1950. Conceptions — actions — perceptions // *Francia*. 1996. Vol. 23. No. 3. P. 49–73. DOI: 10.11588/fr.1996.3.60350.

47. Hüser D. Frankreichs 'doppelte Deutschlandpolitik'. Dynamik aus der Defensive — Planen, Entscheiden, Umsetzen in gesellschaftlichen und wirtschaftlichen, innen- und außenpolitischen Krisenzeiten 1944–1950. Berlin: Duncker & Humblot, 1996.

48. Ikenberry G.J. After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2019.

49. Jackson J. A certain idea of France: The life of Charles de Gaulle. London: Allen Lane, 2018.

50. La puissance française en question (1945–1949) / Dir. by R. Girault, R. Frank. Paris: Publications de la Sorbonne, 1988.

51. Macher A. L'institutionnalisation de la présence culturelle occidentale en Hongrie de 1945 à 1963 // *Les relations culturelles internationales au XXe siècle: de la diplomatie culturelle à l'acculturation* / Dir. by A. Dulphy, R. Frank, M.-A. Matard-Bonucci, P. Ory. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2010. P. 79–112.

52. Margairaz M. Autour des accords Blum-Byrnes. Jean Monnet entre le consensus national et le consensus atlantique // *Histoire économie et société*. 1982. Vol. 1. No. 3. P. 439–470. DOI: 10.3406/hes.1982.1302.

53. Milward A.S. War, economy and society, 1939–1945. Berkeley: University of California Press, 1979.

54. Milza P. Les relations internationales de 1945 à 1973. Paris: Hachette, 1996.

55. Mongin D. Aux origines du programme atomique militaire français // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1993. No. 31. P. 13–21.

56. Pearson J.L. The French Empire goes to San Francisco: The founding of the United Nations and the limits of colonial reform // *French Politics, Culture & Society*. 2020. Vol. 38. No. 2. P. 35–55. DOI: 10.3167/fpcs.2020.380203.

57. Pinkus B. Atomic power to Israel's rescue: French-Israeli nuclear cooperation, 1949–1957 // *Israel Studies*. 2002. Vol. 7. No. 1. P. 104–138. DOI: 10.1353/is.2002.0006.

58. Ratti L. Stepping up to reintegration: French security policy between transatlantic and European defence during and after the Cold War // *Journal of Transatlantic Studies*. 2014. Vol. 12. P. 367–378. DOI: 10.1080/14794012.2014.962784.

59. Robert Schuman et les pères de l'Europe: cultures politiques et années de formation / Dir. by S. Schirmann. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2008.

60. Shennan A. Rethinking France: Plans for renewal, 1940–1946. Oxford: Clarendon Press, 1989.

61. Soutou G.-H. La France Libre et la place de l'URSS dans le système européen // *L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957* / Dir. by G.-H. Soutou, É.R. Hivert. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2008. P. 137–184.

62. Soutou G.-H. La Guerre froide de la France, 1941–1990. Paris: Tallandier, 2018.

63. Soutou G.-H. La perception du problème soviétique par le Quai d'Orsay entre 1945 et 1949 // *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*. 1998. Vol. 30. No. 3. P. 273–284. DOI: 10.3406/rev.1998.4073.

64. Ulrich-Pier R. René Massigli (1888–1988): une vie de diplomate. Vol. 1–2. Bruxelles: P.I.E. Peter-Lang, 2006.

65. Wall I.M. France in the Cold War // *Journal of European Studies*. 2008. Vol. 38. No. 2. P. 121–139. DOI: 10.1177/0047244108090206.

66. Wall I.M. The United States and the making of postwar France, 1945–1954. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

67. Williams A. France and the origins of the United Nations, 1944–1945: 'Si La France ne compte plus, qu'on nous le dise' // *Diplomacy & Statecraft*. 2017. Vol. 28. No. 2. P. 215–234. DOI: 10.1080/09592296.2017.1309880.

68. Young J.W. France, the Cold War, and the Western alliance, 1944–49: French foreign policy and post-war Europe. New York: St. Martin's Press, 1990.

## REFERENCES

1. Arzakanyan M.Ts. 2012. *Velikii de Goll'. 'Frantsiya — eto ya!'* [Great de Gaulle. 'I am France!']. Moscow, Yauza, Eksmo Publ. (In Russ.)

2. Belousov L.S., Manykin A.S. 2021. 'Kholodnaya voina' kak forma konfliktogo vzaimodeistviya sverkhderzhav v bipolyarnom mire [Cold War as a form of conflict interaction between superpowers in a bipolar world]. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 5, pp. 97–117. (In Russ.)

3. Boldyreva O.M. 2008. *Zhan Monne. U istokov edinoi Evropy* [Jean Monnet. Origins of the united Europe]. Elets, Elets'kii gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina Publ. (In Russ.)

4. Bourdieu P. 1989. *Le Sens pratique*. Paris, Lee Editions de Minuit [Russ. ed.: Burd'e P. 2001. *Prakticheskii smysl*. Saint Petersburg, Aleteia Publ.].

5. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2020. *Vtoraya mirovaya voina i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [Second World War and transformation of the international relations: From multipolarity to bipolar world]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

6. Kaninskaya G.N. 2008. Kolonial'nye voiny v Indokitae i Alzhire i frantsuzskoe obshchestvo [Colonial wars in Indochina and Algeria, and reaction of the French society]. In: Rzheshhevskii O.A. (ed.). *Voina i obshchestvo v XX veke. V 3 kn. Kn. 3: Voina i obshchestvo v period lokal'nykh voyn i konfliktov vtoroi poloviny XX veka* [War and society in the 20th century. In 3 books. Book 3: War and society during local wars and conflicts of the second half of 20th century]. Moscow, Nauka Publ., pp. 132–175. (In Russ.)

7. Kaninskaya G.N. 1999. *Radikaly i radikalizm v poslevoennoi Frantsii* [Radicals and radicalism in the post-war France]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

8. Magadeev I.E. 2020. Frantsuzskii vektor vneshnei politiki SSSR (fevral' 1943 g. — fevral' 1945 g.) [French vector of the Soviet foreign policy (February 1943 — February 1945)]. In: Torkunov A.V. (ed.). *Istoriya Velikoi Pobedy. V 3 t. T. 3. Voina i diplomatiya* [History of the great victory. In 3 vols. Vol. 3: War and diplomacy]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 285–370. (In Russ.)

9. Narinskiy M.M. 2011. Berlinskii krizis 1948–1949 gg. [The Berlin Crises 1948–1949]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (16), pp. 162–172. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-1-16-162-172. (In Russ.)

10. Naumova N.N. 2015. Razrabotka evropeiskoi idei v ramkakh frantsuzskogo dvizheniya Soprotivleniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Elaboration of the European projects within the French Resistance movement: Proceedings of the International Scientific Conference]. In: Karpov S.P., Tuchkov I.I. (eds.). *Vtoraya mirovaya voina v istorii chelovechestva. 1939–1945 gg.* [Second World War in the human history, 1939–1945]. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ., pp. 320–326. (In Russ.)

11. Naumova N.N., Falaleev P.I. 2016. Evropeiskaya ideya vo Frantsii v gody Vtoroi mirovoi voiny [The European idea in France in Second World War]. *Modern and Contemporary History*, no. 2, pp. 18–33. (In Russ.)

12. Obichkina E.O. 2012. *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012)* [French foreign policy from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

13. Soutou G.-H. 2006. 'Svobodnaya Frantsiya' i mesto SSSR v evropeiskoi sisteme ['Free France' and place of the USSR in the European system]. In:

Narinskiy M.M. (ed.). *SSSR i Frantsiya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [USSR and France during the Second World War]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 154–181. (In Russ.)

14. Falaleev P.I. 2016. *Vneshniaia politika Frantsuzskogo komiteta natsional'nogo osvobozhdeniia i Vremennogo pravitel'stva Frantsuzskoi Respubliki (1943–1946 gg.)* [Foreign policy of the French Committee of National Liberation and the Provisional Government of the French Republic (1943–1946)]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

15. Falaleev P.I. 2020. 'Plan Marshalla' i zapadnoevropeiskaya integratsiya: evolyutsiya pozitsii Velikobritanii i Frantsii (1947–1948) [The Marshall plan and the European integration: The stance of Great Britain and France (1947–1948)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 3, pp. 165–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-165-190. (In Russ.)

16. Falaleev P.I. 2019. Pozitsiya Frantsii po voprosu obrazovaniya Severoatlanticheskogo al'yansa — NATO [French position towards the formation of the North Atlantic alliance]. *Modern and Contemporary History*, no. 5, pp. 109–127. DOI: 10.31857/S013038640005855-8. (In Russ.)

17. Cherkasov P.P. 1985. *Raspad kolonial'noi imperii Frantsii: krizis frantsuzskoi kolonial'noi politiki v 1939–1985 gg.* [Desintegration of the French colonial empire: Crisis of the French colonial policy in 1939–1985] Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Shmelev D.V. 2010. Zhorzh Bido: intellektual, politik, diplomat (shtrikhi k biografii) [Georges Bidault: An intellectual, political leader and diplomat (biographical sketch)]. In: Salakhov M.Kh. (ed.). *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 152. Kn. 3. Ch. 1* [Scholarly memos of the Kazan State University, vol. 152, book 3, part 1]. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 262–273. (In Russ.)

19. Allard M. 2005. La France face à la soviétisation de l'Europe de l'Est: le cas tchécoslovaque (1944–1948). In: Bozo F. (ed.). *Relations internationales et stratégie: De la guerre froide à la guerre contre le terrorisme*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, pp. 13–28.

20. Bariéty J. 1994. La France et la crise internationale du blocus de Berlin. *Histoire, économie et société*, vol. 13, no. 1, pp. 29–44.

21. Bézias J.-R. 2006. *Georges Bidault et la politique étrangère de la France. États-Unis, Europe, Proche-Orient, 1944–1948*. Paris, Harmattan.

22. Bézias J.-R. 2005. Prélude au Conseil de l'Europe: la déclaration de Georges Bidault à La Haye (19 juillet 1948). *Guerres mondiales et conflits contemporains*, no. 220, pp. 115–128. DOI: 10.3917/gmcc.220.0115.

23. Bossuat G. 1999. Aux origines du Plan Marshall. *Histoire, économie et société*, vol. 18, no. 2, pp. 275–296.

24. Bossuat G. 1986. L'aide américaine à la France après la Seconde guerre mondiale. *Vingtième siècle*, no. 9, pp. 17–36.

25. Bossuat G. 1990. Le rêve français d'une Europe franco-britannique. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 18, pp. 3–11. DOI: 10.3406/mat.1990.401609.

26. Bossuat G. 1997. *L'Europe des Français, 1943–1959: La IVe République aux sources de l'Europe communautaire*. Paris, Éditions de la Sorbonne.

27. Bozo F. 2019. *La politique étrangère de la France depuis 1945*. Paris, Flammarion.

28. Buffet C. 1991. *Mourir pour Berlin: La France et l'Allemagne, 1945–1949*. Paris, Armand Collin.

29. Ciappi E. 2023. A Reappraisal of the origins of European integration: From wartime planning to the Schuman plan. *Journal of Contemporary History*, vol. 58, no. 4, pp. 676–696. DOI: 10.1177/00220094231200453.

30. Ciappi E. 2022. Transatlantic relations and public diplomacy: The Council on Foreign Relations, Jean Monnet, and Post-WWII France and Europe. *History of European Ideas*, vol. 48, no. 6, pp. 848–864. DOI: 10.1080/01916599.2021.2009363.

31. Creswell M., Trachtenberg M. 2003. France and the German question, 1945–1955. *Journal of Cold War Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 5–28. DOI: 10.1162/152039703322286746.

32. Davieau-Pousset S. 2015. Maurice Dejean, diplomate atypique. *Relations internationales*, no. 162, pp. 79–94. DOI: 10.3917/ri.162.0079.

33. Dockrill M. 1990. British attitudes towards France as a military ally. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 1, no. 1, pp. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.

34. Doise J., Vaisse M. 2015. *Diplomatie et outil militaire: Politique étrangère de la France, 1871–2015*. Paris, Points.

35. Duroselle J.B. 1954. The crisis in French foreign policy. *The Review of Politics*, vol. 16, no. 4, pp. 412–437.

36. Duroselle J.B. 1952. German-Franco relations since 1945. *The Review of Politics*, vol. 14, no. 4, pp. 501–519.

37. Duroselle J.B. 1951. The turning point in French politics: 1947. *The Review of Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 302–328.

38. Bossuat G., Girault R. (eds.). 1994. *Europe brisée, Europe retrouvée: nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XXe siècle*. Paris, Éditions de la Sorbonne.

39. Fejtő F. 1976. Un pont qui n'a pu être construit: le projet de traité franco-tchécoslovaque. *Politique étrangère*, vol. 41, no. 1, pp. 5–11.

40. Bozo F., Wenkel Ch. (eds.). 2019. *France and the German question, 1945–1990*. New York, Berghahn Books.

41. Heyde V. 2010. *De l'esprit de la Résistance jusqu'à l'idée de l'Europe: Projets européens et américains pour l'Europe de l'après-guerre (1940–1950)*. Bruxelles, P.I.E. Peter Lang.

42. Souriac R. (ed.). 1996. *Histoire de France, 1750–1995. In 2 vols. Vol. 2: Société, culture*. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail.

43. Hitchcock W.I. 1998. *France restored: Cold War diplomacy and the quest for leadership in Europe, 1944–1954*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

44. Hitchcock W.I. 1997. France, the Western alliance, and the origins of the Schuman plan. *Diplomatic History*, vol. 21, no. 4, pp. 603–630.

45. Hudemann R. 2002. Le général Kœnig commandant en chef français en Allemagne (1945–1949). *Revue historique des Armées*, no. 227, pp. 85–94.

46. Hüser D. 1996a. Charles de Gaulle, Georges Bidault, Robert Schuman et l'Allemagne 1944–1950. Conceptions — actions — perceptions. *Francia*, vol. 23, no. 3, pp. 49–73. DOI: 10.11588/fr.1996.3.60350.

47. Hüser D. 1996b. *Frankreichs 'doppelte Deutschlandpolitik'. Dynamik aus der Defensive — Planen, Entscheiden, Umsetzen in gesellschaftlichen und wirtschaftlichen, innen- und außenpolitischen Krisenzeiten 1944–1950*. Berlin, Duncker & Humblot.

48. Ikenberry G.J. 2019. *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press.

49. Jackson J. 2018. *A certain idea of France: The life of Charles de Gaulle*. London, Allen Lane.

50. Girault R., Frank R. (eds.). 1988. *La puissance française en question (1945–1949)*. Paris, Publications de la Sorbonne.

51. Macher A. 2010. L'institutionnalisation de la présence culturelle occidentale en Hongrie de 1945 à 1963. In: Dulphy A., Frank R., Matard-Bonucci M.-A., Ory P. (eds.). *Les relations culturelles internationales au XXe siècle: de la diplomatie culturelle à l'acculturation*. Bruxelles, P.I.E. Peter Lang, pp. 79–112.

52. Margairaz M. 1982. Autour des accords Blum-Byrnes. Jean Monnet entre le consensus national et le consensus atlantique. *Histoire économie et société*, vol. 1, no. 3, pp. 439–470. DOI: 10.3406/hes.1982.1302.

53. Milward A.S. 1979. *War, economy and society, 1939–1945*. Berkeley, University of California Press.

54. Milza P. 1996. *Les relations internationales de 1945 à 1973*. Paris, Hachette.

55. Mongin D. 1993. Aux origines du programme atomique militaire français. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 31, pp. 13–21.

56. Pearson J.L. 2020. The French Empire goes to San Francisco: The founding of the United Nations and the limits of colonial reform. *French Politics, Culture & Society*, vol. 38, no. 2, pp. 35–55. DOI: 10.3167/fpcs.2020.380203.

57. Pinkus B. 2002. Atomic power to Israel's rescue: French-Israeli nuclear cooperation, 1949–1957. *Israel Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 104–138. DOI: 10.1353/is.2002.0006.

58. Ratti L. 2014. Stepping up to reintegration: French security policy between transatlantic and European defence during and after the Cold War. *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 12, pp. 367–378. DOI: 10.1080/14794012.2014.962784.

59. Schirmann S. (ed.). 2008. *Robert Schuman et les pères de l'Europe: cultures politiques et années de formation*. Bruxelles, P.I.E. Peter Lang.

60. Shennan A. 1989. *Rethinking France: Plans for renewal, 1940–1946*. Oxford, Clarendon Press.

61. Soutou G.-H. 2008. La France Libre et la place de l'URSS dans le système européen. In: Soutou G.-H., Hivert É.R. (eds.). *L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957*. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne, pp. 137–184.

62. Soutou G.-H. 2018. *La Guerre froide de la France, 1941–1990*. Paris, Talandier.

63. Soutou G.-H. 1998. La perception du problème soviétique par le Quai d'Orsay entre 1945 et 1949. *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*, vol. 30, no. 3, pp. 273–284. DOI: 10.3406/real.1998.4073.

64. Ulrich-Pier R. 2006. *René Massigli (1888–1988): une vie de diplomate*. Vol. 1–2. Bruxelles, P.I.E. Peter-Lang.

65. Wall I.M. 2008. France in the Cold War. *Journal of European Studies*, vol. 38, no. 2, pp. 121–139. DOI: 10.1177/0047244108090206.

66. Wall I.M. 1991. *The United States and the making of postwar France, 1945–1954*. Cambridge, Cambridge University Press.

67. Williams A. 2017. France and the origins of the United Nations, 1944–1945: 'Si La France ne compte plus, qu'on nous le dise'. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 28, no. 2, pp. 215–234. DOI: 10.1080/09592296.2017.1309880.

68. Young J.W. 1990. *France, the Cold War, and the Western alliance, 1944–49: French foreign policy and post-war Europe*. New York, St. Martin's Press.

Статья поступила в редакцию 31.12.2024;  
одобрена после рецензирования 24.03.2025;  
принята к публикации 07.04.2025

The paper was submitted 31.12.2024;  
approved after reviewing 24.03.2025;  
accepted for publication 07.04.2025